

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова»
Кафедра общего и русского языкознания

В.А. Маслова

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Конспект лекций

*Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2012*

УДК 81:1(075.8)
ББК 81в.я73
М31

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 21.03.2012 г.

Автор: профессор кафедры общего и русского языкознания УО «ВГУ им. П.М. Машерова», доктор филологических наук **В.А. Маслова**

Рецензент:
доцент кафедры общего и русского языкознания
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»,
кандидат филологических наук *Е.Ю. Муратова*

Маслова, В.А.

М31 Философия языка : конспект лекций / В.А. Маслова. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – 50 с.

Краткий курс лекций написан в соответствии с учебной программой по курсу для специальностей 1-21 05 06 «Русская филология» и «Романо-германская филология». Содержит теоретические сведения по ряду важнейших проблем философии языка, план лекций, рекомендованную литературу. Отдельным списком представлена цитированная литература.

Учебное издание предназначено для изучения теоретического материала и отработки практических навыков при изучении дисциплин «Философия языка» и «Общее языкознание».

УДК 81:1(075.8)
ББК 81в.я73

© Маслова В.А., 2012
© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	4
СОДЕРЖАНИЕ КУРСА	5
Лекция 1. ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ	6
Лекция 2. ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА	9
Лекция 3. ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА КАК НАУКИ	17
Лекция 4. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В XX ВЕКЕ НА ЗАПАДЕ ...	25
Лекция 5. ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В РОССИИ	32
Лекция 6. СОВРЕМЕННОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА	36
Лекция 7. ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ	42
Лекция 8. ФИЛОСОФИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	45
ЛИТЕРАТУРА	49

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Курс «Философия языка» ориентирован на углубление знаний в области философии языка, полученных в курсе «Общее языкознание».

Лингвистика второй половины XX и XXI веков рассматривает язык не как орудие коммуникации и познания, а как креативный феномен, позволяющий проникнуть в глубь мира, познать его сущность. А это и есть философия языка. Фундаментальные основы этого подхода были заложены в трудах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, ряда современных лингвистов и философов: Н.Д. Арутюновой, Г. Гадамера, Л. Вайсгербера, Ю.С. Степанова.

Цель данного курса:

1) ознакомить студентов с основными направлениями философии языка в их зарождении, развитии и современном состоянии; ознакомить с новейшими концепциями в области философии языка;

2) сформировать основные теоретические и методологические установки по философии языка;

3) систематизировать ее основные понятия, показать, какие задачи она может решить.

Обращение к истории философии языка позволяет проследить историю традиций философствования по поводу слова и предложения, глубже понять закономерности формирования лингвистической культуры общества, особенности ее развития в России.

Поставленные цели реализуются в следующих задачах:

1) показать источники возникновения философии языка – от Гумбольдта и до наших дней;

2) дать глубокие знания классической и современной научной литературы по философии языка; сформировать умение ее анализировать и воспринимать критически;

3) научить обосновывать свою точку зрения по отдельным вопросам философии языка;

4) показать мировоззренческое, методологическое и культурно-образовательное значение философии языка в системе лингвистических дисциплин, а также в преподавательской и исследовательской работе.

Лекции носят проблемный характер и направлены на выработку у студентов самостоятельного философского мышления как процесса и механизма анализа языковых фактов. СРК нацелен на формирование навыков самостоятельного философского анализа явлений языка.

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

1. Вводная лекция. «Философия» как термин. Различные понимания термина. Философия как поиск человеком ответов на главные вопросы бытия. Философское — значит максимально универсальное, всеохватное, основательное, фундаментальное, существенное. От философии мира к философии языка. Место философии языка в кругу наук о языке.

2. Язык философии и философия языка. Язык философии как модификация естественного языка. Специфика слова в философских текстах. Филологический, герменевтический, семиотический подходы к философским текстам.

Философия языка: язык – это и материальный продукт, и продукт человеческого сознания, идеального мира человека. Содержательная «ткань» языка включает в себя синтез денотативных и коннотативных смыслов. Язык и метафизика как теоретическая философия.

3. Из истории формирования философии языка как науки. Античный период в развитии философии языка. Проблемы философии языка в учении «отцов церкви». Гипотеза Григория Нисского о происхождении языка в связи с ролью прямохождения человека, с использованием руки в трудовой деятельности и т.д. Идеи патристики в дальнейшем развитии философии языка на христианском Западе и Востоке.

Философия языка в трудах В. фон Гумбольдта.

Зарождение философии языка в России.

4. Формирование западной философии языка в XX веке. Лингвистические повороты в философии. Первый лингвистический поворот (20-е годы XX века): ранний Л. Витгенштейн и его «Логико-философский трактат». Обыденный язык как источник заблуждений и философских проблем.

Вторая волна лингвистического поворота (40–50-е годы XX века). Поздний Витгенштейн. Язык как единственный достойный внимания предмет исследования.

Развитие идей философии языка в трудах европейских и русских лингвистов. Поиски сущности сводились и у Гуссерля, и у Хайдеггера, и у др. к интерпретации значения. Так сформировалась герменевтика как философский метод исследования. Г. Гадамер – основоположник герменевтики как лингвофилософской теории. Куайн и его прагматическая концепция значения.

5. Формирование философии языка в России. Рубеж веков и русская философия языка. Язык в контексте развития русской религиозной метафизики. Учение о языке и слове в трудах Н.П. Гилярова-Платонова, П.Д. Юркевича, Ф.А. Голубинского и В.Д. Кудрявцева-Платонова, В. Соловьева.

6. Современное философское понимание языка. Язык в современных философских направлениях: феноменологии, аналитизма, герменевтики и постмодернизма. Практическое и коммуникативное назначение языка. Утверждения философов языка о возможности познания реальности через словарь: через вселенную словаря языка – к реальности. Язык становится символом нашей жизни. Сращение философии с языком. Философия языка в трудах Ю.С. Степанова.

7. Философия имени. Философы *античности* и *средневековья* об имени. Имя как слово, обозначающее отдельный предмет. *Сократ* и *Платон* об имени. Природа имени. Учение об имени как сущности явления, предмета. Внутренняя связь между звуком и значением. Связь слова с предметом в общественной традиции.

Концепция имени у русских философов. Философские труды П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова. А.Ф. Лосев и его «Философия имени» как классический образец глубокого, но сложного для понимания текста.

8. Философия предложения. Разработки аналитиков (*Рассела*, *Фреге*, *Витгенштейна*, *Карнапа*). Представление об истинности/ложности. Философия предложения в труде *Витгенштейна* «Логико-философский трактат».

Лекция 1. ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ

План

1. «Философия» как термин.
2. От философии мира к философии языка.
3. Место философии языка в кругу наук о языке.

1. «Философия» как термин. Философия явилась на свет в результате осознания человеком самого себя и окружающего мира. Термин «философия» – происходит от греч. слова *phileo* – «люблю» и *sophia* – «мудрость», т.е. «любовь к мудрости», любознательность. В этимологии слова – любовь, глубокомыслие, умение познавать малодоступное, определять его главные ценности.

Отсюда следует, что философия – особая форма познания мира и места человека в нем. ***Философия есть поиск человеком ответов на главные вопросы бытия.***

Первые великие философы жили около 2,5 тысяч лет назад – это *Гераклит*, *Сократ*, *Платон*, *Аристотель* и др. Проблемы, поднятые ими, до сих пор волнуют человечество.

Философия имеет дело с *главными* вопросами бытия человека. С учетом многовекового развития философии вполне актуальны различные интерпретации. Речь идет о проблемах, которые можно назвать: 1) главными, 2) наиболее существенными, 3) фундаментальными, 4) всеохватными, не знающими исключений, 5) объединяющими жизнь людей в единое целое, в поле действия которого попадает каждый человек, и т.д. Следовательно, философское – это ***универсальное, всеохватное, основательное, фундаментальное, существенное.***

Является ли философия наукой? Одни считают, что философия – лучшая из наук, другие, наоборот, противопоставляют ее науке. Так, выдающийся мыслитель XX века Л. Витгенштейн считает: «Философия не является одной из наук. (Слово «философия» должно обозначать нечто, стоящее под или над, но не рядом с науками)». Попытаемся разобраться в этом. Наука – это систематическое, доказательное и проверяемое знание. Выводы науки должны находить практическую проверку. Но есть ли в философии систематичность, доказательность, проверяемость? Да, есть. Дело в том,

что указанные признаки были выработаны именно в философии. Ясно, что философия руководствуется своими достижениями. Философы стараются быть убедительными, обосновывать свои выводы, проверять их фактами. С этой точки зрения философию можно и нужно считать наукой.

Наука в отличие от философии безлична, объективна, вырабатывает жесткие методики, она интересуется лишь поиском истины. Но, возможно, не всякая наука должна быть безличной? Этот вопрос пока не имеет окончательного ответа, он за будущим.

Есть и другие взгляды на философию. Часто даже сами философы называют ее искусством. «...Философия есть искусство, а не наука», – *А. Шопенгауэр*. Попытаемся в этом разобраться. Главная ценность науки – истина, главная ценность искусства – красота. Философия действительно имеет ярко выраженный эстетический характер, и этим она похожа на искусство. При этом она практична, как наука. Подтверждением может служить рассуждение известного русского философа XX века Мераба Мамардашвили о двух строчках из стихотворения Георга Траля:

*Здесь сверкает в чистом свете
На столе вино и хлеб.*

«Где сверкает чистый свет? На пороге, обремененном болью. Щель различия сверкает чистым светом. Его лучащийся стык про-являет про-свет мира в его событии. Щель просвета пропускает мир в его мирах, который покрывает вещи. Благодаря явлению мира в его золотом блеске светятся также хлеб и вино. Вышеназванные вещи светятся в единости своей вещности. Хлеб и вино – это плоды земли и неба, посланные смертным божествами. Хлеб и вино собираются при четырех из единости средокрестия. Названные вещи – хлеб и вино – едины потому, что их сохранение в мире исполняется непосредственно милостью мира. Достаток таких вещей определяется тем, что они пребывают при средо-крестии мира. Чистый свет мира и простое сверкание вещей соизмеряют их середину, их различие». Кажалось бы, все слова двестишья абсолютно прозрачны и понятны, но философ видит особенную глубину.

Философия выявляет и вырабатывает смыслы человеческих деяний, поступков, формирует стратегические цели. Именно в этой области реализуются практические потенциалы философии. Философия поступка находит свое наиболее яркое выражение в морали человека, в его этических ценностях. Практичность философии состоит в ее этической направленности, в моральности. Неслучайно И. Кант писал, что более всего его удивляют и вызывают на размышление звездное небо над головой и нравственный закон внутри него.

В современной философии мы встречаем самые разные направления:

- *научно ориентированную философию* (это философия *Аристотеля, Декарта, Гегеля, Гуссерля*, многих современных философов из числа так называемых аналитиков);

- *эстетически ориентированную философию* (философия *Бердяева, Шопенгауэра, Ницше, Шеллинга, Хайдеггера*, многих современных философов из числа герменевтов и постмодернистов);

- *практически ориентированную философию* (философия *Канта, Маркса, Пирса*).

2. От философии мира к философии языка. В своей деятельности человек имеет дело не с самим миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинками и моделями, которые представлены и зафиксированы в языке.

Поэтому в последние 50 лет наблюдаются обращения философов к языку при решении сугубо философских проблем, и объясняют они это тем, что «философские константы языка» предстают для них лишь частным случаем «философских констант» (Э. Жильсон) и что, по афористическому выражению Л. Витгенштейна, «целое облако философии конденсируется в каплю грамматики». Он же считал: «Границы языка – это границы моего мира».

Сегодня философы стремятся извлечь из словаря данные о мире, пытаясь через слово, его значение познать реальность. Ведущее место среди всех языков занимает естественный язык, ибо языковой знак тесно связан с мифологией, религией, наукой и другими формами познания мира. Х.Г. Гадамер писал, что философия «срослась с языком и только в языке имеет свое бытие» (Гадамер, 1991, с.144).

Современной наукой фиксируется глубокое внутреннее родство языка и философии как двух символических форм миропонимания человека – наивного (в языке) и теоретического, рефлексивного (в философии) – с их общей установкой видеть мир как единое целое.

Язык как посредник между человеком и бытием, полагает немецкий философ Х.-Г. Гадамер, выявляет «целостность» нашего отношения к миру; парадокс языка состоит в том, что он является «не языком, а миром» (Г. Ибсен). Не случайно поэтому гумбольдтовское определение языка как миропонимания человека родоначальник неогумбольдтианства Л. Вайсгербер интерпретирует с помощью формулы – «язык как мирозидание».

3. Место философии языка в кругу наук о языке. Академик Б. Кедров создал «треугольник наук», в основании которого в одном углу располагались естественные науки, во втором – науки гуманитарного цикла, а в вершине треугольника – философия. Место философии языка – тоже в вершине всех лингвистических наук.

А.Ф. Лосев писал, что философия есть одновременно и «служитель... всех наук, религий и искусств», и «единая царица всех наук, религий, искусств» (Лосев, 1997, 45). В своем абсолютно свободном и независимом искании истины философия есть «смирненное служение Самой Истине – служение, в котором выполняется воля Самого Бога и которое Им Самим и даровано, и предуказано человечеству» (Л. Франк).

Важнейшая функция языка – выражение мысли, в то время как коммуникативная функция, выдвигаемая в лингвистике на первый план, – это функция донесения мысли до другого. Если в вершину иерархии функций поставить мыслительную, то придется пересматривать не только реестр функций, но и многие фундаментальные вопросы функциональной лингвистики.

Итак, к числу новых интралингвистических проблем в современной науке о языке относится, помимо вопросов о соотношении языка и культуры, языка и общества, языка и религии, еще и вопрос о взаимосвязи языка и философии, что и составляет предмет рассмотрения особой сферы гуманитарного знания – «философии языка».

В структурной лингвистике, где предметом изучения объявлялась «имманентная реальность языка» (Бенвенист, 1974, с. 23), философия языка четко противопоставлялась теории языка и исключалась из сферы собственно теоретической науки о языке в силу своего трансцендентного характера. Такое понимание статуса философии языка как сферы, отличной от имманентной теории языка структурной лингвистики, развивал и Л. Ельмслев в своих «Пролегоменах к теории языка», где утверждал: «Изучение языка с разнообразными, в сущности, трансцендентными, целями имело многих приверженцев; теория языка с ее чисто имманентными целями – немногих. В этой связи теорию языка не следует смешивать с философией языка» (Ельмслев, 1960, с. 267).

Последующая лингвистическая мысль, выйдя за пределы собственно языка, изменила свое отношение к философии языка. В лингвистике постструктурального периода многие проблемы и темы, рассматриваемые в структурализме как экстралингвистические («внешние») и относящиеся к ведению других дисциплин (физиологии, акустики, психологии, с одной стороны, и философии, философской антропологии, социологии, культурологии, с другой), стали трактоваться как интралингвистические («внутренние»), имеющие непосредственное отношение к науке о языке. К их числу, наряду с проблемами, касающимися «субстанции» языка, стали относить и различные «метафизические» проблемы языка, входящие в круг внимания философии языка.

Философия языка включает в себя широкую область исследований, направленных на изучение взаимоотношений между языком, бытием (реальностью, миром) и мышлением, а также сами теоретико-методологические знания, выражающие и интерпретирующие эти связи.

Основные выводы:

- Философия – это поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы своего бытия.
- Философия научна, эстетична, моральна.
- Философия не является наукой (тезис неопозитивистов).
- Философия научна (тезис постпозитивистов).
- Философия – это прояснение содержания языковой деятельности человека. При таком понимании философы охотно работают в последние 50–60 лет на материале языка.
- Возникшая философия языка – это исследования, направленные на изучение взаимоотношений языка, мира и мышления.

Лекция 2. ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

План

- 1. Язык философии как модификация естественного языка.**
- 2. Филологический, герменевтический, семиотический подходы к философским текстам.**
- 3. Философия языка.**
- 4. Язык и метафизика.**

1. Язык предваряет мысль, определяет ее развитие и трансформацию, следовательно, оказывается важнейшим источником познания. Язык фило-

софии рассматривается как определенная модификация естественного языка. Его формированию способствовали переводы работ философов-классиков на русский язык. Например, переводы «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля – перевод (Э. Радлова – СПб., 1913; Кожев А. – СПб., 2003).

Конец XIX и XX век – период активного формирования основных направлений русской философской мысли, время становления языка русских философских текстов. Еще в первой половине XIX века в одной из ранних исторических работ «О русской истории XVIII века» (1822) А.С. Пушкин писал: «...ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует» (соч. в 10 т.: т. 6, с. 13).

Говоря об особенностях философского языка в сравнении с языком других дискурсов культуры, В.В. Бибихин пишет: «Странный язык философии. И трудный. Здесь ничего не возьмешь одним энтузиазмом, ничего не возьмешь раз и навсегда...» (Бибихин, 1993, с. 102). И далее поясняет: «Спрашивают, и с упреком: почему философы говорят на таком трудном языке?... язык литературы почти всем понятен. Правда, язык высокой поэзии требует долгого вслушивания. Но он непосредственно завораживает своей музыкой. Язык религии необыкновенно прост, хотя требует веры как предпосылки своего понимания... Все знают на собственном опыте, что философский текст способен, пусть на время, утратить для читающего всякий смысл... Такого не бывает со словом литературы, поэзии, религии, которое полно вещами, так что его нельзя отбросить, как невозможно оттолкнуть живое существо» (там же: 99).

Можно говорить об автономности языка философии, его специфика, по В.В. Бибихину, в том, что «почти все значения привычных слов оказываются здесь характерным образом смещены, на общеизвестных фактах поставлены необщепонятные акценты, расхожий исторический и культурный материал переосмыслен» (Бибихин, с. 107). Философское слово есть презентация всего универсума философа, в котором оно включено в замкнутую систему ключевых философских слов, а потому изменение смысла одного из них влияет на остальные.

Одним из первых проблему языка философии поставил Г.А. Брутян. Язык философии есть не только вербальный план, но и когнитивный, который отражает теоретический, социокультурный, уникально-личностный опыт философа. Характерной особенностью философского текста ученый считает определенный понятийный состав, что подтверждается, в частности, тем фактом, что существуют философские словари. Философы констатируют многосмысленность философских слов и признают ее амбивалентную функцию – большие возможности в общепознавательном аспекте для фиксации и передачи нюансов мысли и человеческих переживаний, но это создает трудности при адекватном понимании философского текста. А.Л. Никифоров объясняет это тем, что «в философии нет единой общепризнанной парадигмы и каждый философ вкладывает в философские понятия собственное содержание» (Никифоров, с. 25). Причины семантической диффузности и многозначности философских терминов автор усматривает в том, что «в самой потаенной глубине философской системы лежат наиболее личные, наиболее интимные убеждения, желания и оценки философа.

Опираясь на это не всегда выраженное ядро, он истолковывает те или иные философские понятия, составляющие тело его философии, решает онтологические и гносеологические проблемы» (Никифоров, с. 39).

Итак, для философских текстов характерно наличие нескольких дефиниций термина, наслаивающихся друг на друга, наличие терминов из других, «нефилософских» языков. Стоит также отметить, что философская лексика ограничивается преимущественно существительными, что отражает стремление философа содержательно описать, в некотором смысле инвентаризировать свой мир.

Анализ философского языка представляется необходимым условием прояснения и интерпретации мысли, заключенной в тексте. Язык философии сложен и во многом непонятен. Понять текст по философии языка означает, прежде всего, выявить стоящую за ним целостную концепцию, которая требует в свою очередь знания жизненного опыта, стоящего за теоретическими построениями, а также выявить понятийно-категориальный каркас и философский синтаксис данной концепции (правила развертывания смысла).

2. Философские тексты, их язык можно анализировать с различных позиций – филологической, герменевтической, семиотической и др. Наиболее близок нам, филологам, **филологический анализ**. Филология (от греч. *phileo* – люблю и *logos* – слово, т.е. «любовь к слову») – целостная научная дисциплина гуманитарного профиля, которая формирует необходимые знания для проникновения в содержание того или иного текста, для его истолкования на фоне развития культуры, а также знания об условиях вхождения этого текста в некоторую область культуры. Фактически филология изучает «историю и сущность духовной культуры через языковой и стилистический анализ письменных текстов» (Аверинцев, 1987, с. 467).

Именно о филологии Д.С. Лихачев сказал, что она «наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур» (Лихачев, 1989, с. 207). Чем шире развиваются гуманитарные науки, тем нужнее филология. Когда-то филология ограничивалась знанием классической древности, теперь она охватывает все страны, все культуры и все эпохи, в которые были созданы тексты. Это содружество ряда гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, текстологии, палеографии, лингвокультурологии и других наук, изучающих духовную культуру человечества через текст, в нашем случае – через философский текст. Филологический анализ философского текста призван раскрыть для реципиента ясность формы, полно выявить ее формальные и содержательные параметры, которые должны быть затем философски истолкованы.

Герменевтический анализ и имеет своей установкой вернуть тексту его смысловую проницаемость, преодолеть «культурную отдаленность», ту дистанцию, которая отделяет его от читателя, с тем, чтобы включить смысл этого текста в то поле смыслов, которым обладает читатель.

Таким образом, герменевтика определяется как истолкование текстов, имеющих особую духовную глубину, – поэтических, философских, религиозно-мистических.

Герменевтический метод истолкования текста по своим установкам напоминает работу переводчика. По выражению Х.-Г. Гадамера, само слово «герменевтика» обращает к задаче переводчика – «понять и сообщить о

чем-то непонятном», сказанном на чужом языке, пусть то будут хоть «намеки и знаки на языке богов» (Гадамер, 1988, с. 610). Истолкователь письменного источника как «переводчик Божьей или человеческой речи снимает чуждость и делает возможным усвоение» (там же).

По универсальной герменевтической максиме, интерпретация есть открытая процедура, представляющая собой непрерывный историко-культурный процесс все нового и нового прочтения и понимания текста. Поэтому никакая, даже самая глубокая его интерпретация не может претендовать на исчерпывающий характер и окончательность результата. По словам Гадамера, завершающим его книгу по основам философской герменевтики, «плох тот герменевтик, который воображает, что он может или должен был бы сохранить за собой последнее слово» (Гадамер, 1988, с. 646). Такой подход в наивысшей степени импонирует пониманию философских текстов.

Кроме филологического и герменевтического, возможен семиотический подход к философскому дискурсу, которые разрабатывается в работах Д.В. Анкина. Согласно теории исследователя, основной задачей философии является сжатие информации, а главной проблемой выступает интерсубъективность индивидуально-всеобщего. В результате категории философии представляются индивидуально-всеобщими понятиями. Подобную идею выдвигает и И.В. Цветкова, полагая, что ключевое значение в философском произведении принадлежит индивидуально-психологическим особенностям философа. Следовательно, особенности философского текста тесно связаны с индивидуальными особенностями мышления философа.

Философский текст представляет собою, скорее, соглашение об употреблении терминов и следствие этих соглашений. Результат работы философа – языковые понятия, философ – тонкий и глубокий лингвист.

Функции философского текста. В.И. Хорев, полагая, что убеждение есть одна из основных функций философского текста, видит ее реализацию в выражении философом своей субъективности, своих переживаний, своего взгляда на мир. Отсюда высокая степень субъективности в семантике философского текста и выборе языковых средств.

Функция воздействия ярко маркирует философский дискурс, который стремится перестроить (изменить и скорректировать) структуру индивидуального сознания, ввести в нее новые категории. Базовая речевая стратегия философского дискурса – коррекция «модели мира» на мировоззренческом (когнитивно-экзистенциальном) уровне.

Многие исследователи, лингвисты отмечают близость философского текста к художественному, единство некоторых языковых единиц, в нем, как и в художественном тексте, через образность языка достигается движение мыслей в понятиях (выражается идея произведения). «Художественность» философского текста не является индифферентным свойством по отношению к выражаемым таким способом идеям – она уплотняет их содержательность, сопровождая главную мысль.

Покажем это на примере творчества М. Цветаевой, в котором отмечается симбиоз поэта и философа. Система ее философских взглядов представлена в книге: Горчаков Г. Глазами современника. – М., 1997.

Она философ уже потому, что вовлекает читателя в серьезные размышления о мире, о жизни, о смерти, о времени. Она имела острый, афо-

ристичный, мужской ум и почти необъяснимую, колдовскую интуицию, что сразу же высветилось в ее стихах

Принято считать, что в русской литературе диалектику души глубже всех постигли Л. Толстой и Ф. Достоевский. В одном ряду с ними стоит М. Цветаева. М. Слоним писал: «М.И. была чрезвычайно умна. У нее был острый, сильный и едкий ум – соединявший трезвость, ясность со способностью к отвлеченности и общим идеям, логическую последовательность с неожиданным взрывом интуиции...» (Слоним М. О Марине Цветаевой // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. – М., 2002. – С. 106). Сама она о себе говорила: «Я не философ, я только поэт, который умеет и думать, то есть писать прозу». В поэзии М. Цветаевой – своего рода философия языка. Имя и слово – опорные метаязыковые единицы, преобладающие в стиле Цветаевой.

Ее по пронизательности можно сравнить разве что с Достоевским. Любовь и сочувствие к поверженному в ней, вселенская отзывчивость (о которой говорили в отношении Пушкина): *Прав, раз упал! Прав, раз обижен! Ненависть, ниц! Сын, – раз в крови! Поэт не может не влюбиться во врага* (очерк «Пушкин и Пугачев»). Можно говорить о многомерности «Я» М. Цветаевой: «Я – много поэтов, а как это во мне спелось – это уже моя тайна» (соч. в 7 т.: т. 7, с. 408). Такая позиция отразилась на диалоге «Я – Мир»: «Я Вас любила как лирический поэт, как мать и как я» (из письма А. Штейгеру). В ее письмах происходит нейтрализация оппозиций автор/наблюдатель/герой и субъект/объект творчества.

Полон оригинальных мыслей ее прекрасный философский очерк «Искусство при свете совести». Она утверждает, что искусство – стихия и что оно вне категорий добра и зла, как и природа. Поэт одержим этими стихиями, выражает их.

Характеризуя ее творчество, И. Бродский сказал, что все у нее подчинено кардинальному вопросу: «голос правды небесной / против правды земной». Сама Цветаева сводит свое творчество к такой формуле: «На твой безумный мир / Ответ один – отказ». Она – муза трагедии. И. Бродский писал: «Поэзия Цветаевой трагична не только по содержанию – для русской литературы ничего необычного тут нет, – она трагична на уровне языка, просодии. Голос, звучащий в цветаевских стихах, убеждает нас, что трагедия совершается в самом языке. Вы ее слышите» (Бродский, с. 88–89).

Еще одна общая черта языка философии и языка поэзии – их метафоричность. Ни полисемантность, ни метафоричность не противоречат рациональности философского дискурса. Эстетический критерий, таким образом, оказывается одним из значимых критериев в оценке философского текста.

В работе Л.Н. Синельниковой «Философ как языковая личность» диалогичность философского текста подвергается лингвистическому анализу. По мнению автора, философский текст подчинен задачам расширения ментального пространства, сотворчеству автора и реципиента. «Сама философская концепция адаптируется к основной коммуникативной цели – передать адресату содержание индивидуального сознания и акта мышления таким образом, чтобы быть воспринятым и понятым» (Синельникова, с. 360).

Вывод. Философский дискурс можно определить как трансцендентальный, специфика которого во многом обусловлена тем, что объектами

его рассмотрения являются метафизические объекты (в противоположность физическим), что создает особую ситуацию референции философского слова. Основным методом философской работы является процедуры умпостижения, умозрения, которые одновременно являются процедурами порождения «мысленных конструкторов». Одна из особенностей (и трудностей) философских рассуждений – отсутствие опоры на чувственную аналогию, которая нередко выручает нас в повседневной жизни. Отвлеченный философский текст имеет особую прагматическую установку: он предназначен для всех и для каждого.

3. Философия языка. Важнейшим вопросом, касающимся взаимосвязи языка и философии, является вопрос о так называемом «языке философии» и о его соотношении, с одной стороны, с языком и с другой – с философией и, в частности, с самой философией языка. Глубокое развитие идея о взаимосвязи языка и философии как двух форм миропонимания человека получает в русской религиозной философии. Так, в понимании П.А. Флоренского факт существования языка есть тем самым факт существования философии, поскольку язык в основе своей диалектичен: «В слове как таковом бьется ритмический пульс вопросов и ответов ... выхождений из себя и возвращений в себя, общения мысли и углублений в себя», и в языке как таковом «заложено объяснение бытия» (П. Флоренский). В современной гуманитарной мысли философия языка определяется в самом общем виде как такой подход к языку, при котором «философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка, в свою очередь, для решения некоторых философских проблем, выдвигаемых конкретным временем» (Степанов, Демьянков, 1991, с. 345).

Обращение лингвистов при изучении принципов и законов языка к философии связано с тем, что сущность языка, в той мере, в какой она вообще может быть постигнута, «открывается», в их понимании, не «инструментальному», а «философскому» взгляду (Ю.С. Степанов).

М. Хайдеггер, выдающийся мыслитель нашего времени, назвал язык «домом бытия». Дом имеет функцию защиты для живущих в нем, следовательно, дом бытия – защищенное бытие, т.е. язык – защита бытия.

Защита – важная, но не единственная функция. Дом бывает тесным, т.е. он ограничивает действия человека, аналогично и в языке: язык ограничивает своими рамками наше мировидение.

М. Хайдеггер сказал, что язык задает пределы бытию и бытие в языке ограничивает человека, т.е. не люди говорят на языке, а язык «сам от себя говорит» посредством людей. Поэтому и лингвистика, наука о языке, занимает авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания, и обойтись без ее помощи при изучении ряда областей гуманитарного знания невозможно.

Один из ракурсов темы взаимосвязи языка и философии касается вопроса о связи родного языка и национальной философии, а также идиоэтнического и универсального начал в языке и философии. По мысли А.Ф. Лосева, «кто понимает греческий язык, тот тем самым принципиально понимает и греческую философию»: в творениях Плотина и Прокла философия дает полное диалектическое осознание «всех внутренне-интимных корней греческого духа, то есть языка» (Лосев, 1993, с. 91–93). «Какую философию мог создать народ, для ко-

торого сама σοφία «мудрость», есть, по корню слова *мастерство*, умение создавать вещь, понимание ее устройства?» И «...что такое греческая «идея», как не *видение*, зрение, узрение, если сама этимология указывает на это?» (там же). Опираясь на принцип тождественности языка и философии, родного языка и языка как такового, В.В. Бибихин утверждает, что «нашему языку пора уже давно быть языком не русской философии, не философии в России, а философии вообще» (Бибихин, 1993, с. 382).

Язык рассматривается в лекции как путь, по которому мы проникаем в современную ментальность нации, но также и в воззрения древних славян на мир, общество и самих себя. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д.

Известно, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа, его философию (*Работа не волк – в лес не убежит* – философия лени; *Друг может стать лучше брата* – философия дружбы и т.д.).

Большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет в основном в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей в большей степени, чем в мире предметов и вещей. Уже в XX веке язык стал рассматриваться как феномен, посредством которого можно проникнуть в трансцендентное. Например, в философской концепции О. Розенштока-Хюсси проникновение в язык и есть проникновение в трансцендентное. Логос, в его трактовке, не только «слово», но и «сила языка», «сила наименования». «Вначале было Слово» – как сила Божьего Слова, способного творить мир. П. Флоренским, С.Н. Булгаковым, А.Ф. Лосевым язык также рассматривается как вид бытия, которому присуще единство сущности и энергии. П. Флоренский считал, что в Боге, помимо Сущности, есть Энергия, приобщаясь к которой, мы приобщаемся к сущности.

Успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько даже в плане культуры речи, сколько в умении проникнуть в тайны языка и мира. Философы говорят даже, что, досконально понимая слово, которое называет какой-либо предмет, явление, можно легче овладеть вещным миром.

Язык, бытие и мышление – могут трактоваться при этом в различных лингвофилософских концепциях как: 1) самостоятельные и независимые друг от друга, 2) частично тождественные или 3) вообще не различающиеся друг от друга. Так, в качестве самостоятельного начала в философии языка может рассматриваться бытие, а язык и мышление – интерпретироваться как моменты включающего их сознания, противостоящего бытию. Задача философии языка сводится в этом случае к установлению соотношений между бытием и сознанием в его языковом проявлении.

Бытие и сознание могут объявляться в концепциях по философии языка как изначально независимые друг от друга («дуализм») или же как изначально тождественные («монизм»). В этом втором случае в связке *сознание (язык и мышление)* VS. *бытие* при теоретической рефлексии особо акцентироваться может как мышление (немецкая классическая философия), так и язык (энер-

гийно-ономатическая концепция языка в отечественной школе всеединства, развиваемой в традиции христианского неоплатонизма).

Соотношение языка, мышления и действительности далее может рассматриваться в самом общем виде или же сводиться к изучению соотношения лишь главнейших единиц и моментов этих областей или даже отдельных частей этих областей: 1) слова, имени, языкового знака, предложения, синтаксиса, грамматической категории и т.д., 2) мысли, понятия, логического суждения, знания, логики, логической категории и т.д., 3) вещи, свойства, отношения и т.д., – которые могут рассматриваться в отдельных лингвофилософских концепциях в качестве «первоначал» бытия и «первоэлементов» реальности. Так, в философии языка антропокосмической и теоантропокосмической направленности не только культура, но и вся вселенная («космос») могут выступать как имя и слово.

4. Язык и метафизика. Методика – это теоретическая философия, предмет которой – все сущее и законы его познания. В лингвистических исследованиях, отказавшихся от принципа имманентизма, строгое разделение на философию («метафизику») и теорию языка на практике не всегда сохраняется в силу большей философичности самой теории языка.

Как считает Мартин Хайдеггер, метафизика объединяет в себе онтологию и теологию, т.к. она проникает в истину сущего двояко-единым способом: в его общем и в его высшем. Метафизика – это мышление о бытии и одновременно мышление этой мысли. Наше мышление встроено в язык, оно несет в себе своеобразное передзнание. Язык, а точнее семантика, также становится предметом метафизического анализа, ибо язык позволяет познать внутренний мир человека, его психический склад, характер.

Метафизические определения языка – это: «Язык – дух (душа) народа» (В. фон Гумбольдт); «Каждый язык – это храм, в котором сберегаются души его носителей» (О. Холмс) и под. Язык, как бы высоко он не преподносился, как бы глубоко не исследовался, никогда не отрывался от «земли» и рассматривался в обычной приземленной диалектике: деятельность – сознание, где языку отводилась роль материализации этого сознания.

С нашей точки зрения, мир реальности и мир сознания существуют для человека в едином неделимом симбиозе. Мир языка и мир мыслей цементирует этот симбиоз, сохраняет его для следующих поколений на ноосферном уровне (Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский), т.е. на уровне духовного, невидимого, «разумной» планетарной оболочки Земли. Концепция ноосферы трудна для понимания, ее нужно рассматривать как подтверждение существования метафизического бытия, либо Наивысшего Разума как энергетической формы, которую В.И. Вернадский назвал «огромной геологической силой». Языку на уровне ноосферы Вернадский отводил роль «энергии человеческой культуры» (Вернадский, 1988, с. 132). Если это не воспринимать как красивое изречение, а подойти к нему с научной точки зрения, то становится очевидным, что язык не только часть физического (природного) мира, но и феномен культуры, философии, невидимая часть всеобщего пространства разума на планетарном уровне, где он (язык) предстает в виде общего когнитивно-семантического континуума.

Выводы. Много мыслителей XX века считали, что о языке не «говорят», а его «слушают». Так, русский религиозный философ-богослов

П.А. Флоренский пишет: «...истинный предмет наших рассуждений – внутренняя жизнь, а не лингвистика... Лингвистические теории для нас, – не аргументы в собственном смысле; ... философия, – хотя и *Ancilla Theologiae*, однако, не *Ancilla scientiarum*; в отношении к науке она – *Domina*. Философия язык творит, – не изучает; ...слово есть то, чем дарует ему быть творец языка, – поэт или философ» (Флоренский, 1990, с. 785–786).

В свое время немецкий философ-иррационалист И.-Г. Гаманн писал о том, что вся наша философия более состоит из языка, чем из разума. Но и разум, полагает он, есть язык, «*logos*». Гаманн не видит для себя разрешения этой проблемы: «Мрак над этой бездной для меня все не рассеивается; я все еще жду апокалиптического ангела с ключом к этой бездне» (цит. по: (Радченко, 1997, с. 51). Один из наиболее оптимальных путей разрешения этой проблемы в современной философии языка лежит на пути возвращения к гумбольдтовской традиции интерпретации языка и интеллектуальной активности человека как энергеи и экспликации лежащей в основании такого подхода синергийно-персоналистической парадигмы изучения языка как духовной реальности.

Общие выводы:

- Философский дискурс (язык философии) – это особое структурно-семантическое и когнитивно-прагматическое функционирование языка, типологически обусловленное содержанием и целями философствования.
- Язык не просто отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Именно поэтому философия рубежа тысячелетий развивается на базе скрупулезного анализа языка.
- Тема взаимосвязи языка и философии остается одной из самых сложных проблем гуманитарной мысли, и каждое поколение мыслителей дает свой ответ на извечный вопрос, как относиться к тому факту, что «отправной точкой» всякого познания является сформированный языком мир, что, в частности, и естествоиспытатель, и историк, и даже философ «видят» предметы первоначально так, как им «преподносит» их язык (Э. Кассирер).

Лекция 3. ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА КАК НАУКИ

План

- 1. Античный период развития науки.**
- 2. Проблемы философии языка в учении «отцов церкви».**
- 3. В. Гумбольдт – основоположник философии языка.**
- 4. Зарождение философии языка в России.**

1. Античный период развития науки. В европейской научной традиции философия языка ведет свое начало от классической античности и является тем источником, от которого обособилась впоследствии сама наука о языке. На протяжении веков (от Сократа до конца Средневековья) язык оставался предметом почти исключительно чисто «философского умозрения» (Бенвенист, 1974, с. 22). Интерес, проявляемый мыслителями к языку, имел при этом исключительно философский характер. Так, философия язы-

ка в античности возникает в ходе решения центральной философской проблемы этой эпохи – взаимоотношения между вещью, мыслью и словом (Античные теории языка и стиля, 1996, с. 10). Здесь искали ответы на следующие вопросы. Как названа та или иная вещь? Учитывается ли при названии природа вещи, или же названия даны случайно, по договоренности?

2. Проблемы философии языка в учении «отцов церкви». Античное языкознание получило свое продолжение в христианских философско-богословских исканиях «отцов церкви» (II–VIII вв.): Ориген, Климент Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Августин Блаженный, Иоанн Дамаскин и др. Учение о языке представителей патристики выступало как составная часть богословия, как компонент целостного средневекового видения мира.

Они рассматривали язык как важнейший способ Богопознания, связь языка с мышлением, пытались решить проблемы сущности языкового знака, происхождения языка и множественности языков.

Христианская доктрина трактовала владение языком как важнейшее отличие человека от животных. Человек определялся как словесное живое существо, как явление вещественное + чувствующее + говорящее. Его сущность виделась в единстве «тела» и «души», а сущность языка — в единстве «телесных» звуков и значений. «Ангельские языки» признавались иллюзорными, так как они не обладают признаком телесности.

Отцы церкви отрицали возможность вербального творения мира Богом. Они колебались, однако, в решении вопроса о локализации способности к творческому мышлению и языку в головном мозге. Для них характерно утверждение неразрывной связи души, ума и слова. Они признают способность мыслить и без произнесения слов вслух, характеризуя внутреннее слово как этап, предшествующий слову произносимому.

Что касается коммуникации у животных, то наличие коммуникативного аспекта признаётся, но отрицается наличие у животных разумности. В отличие от античных философов, отрицается наличие общих корней происхождения языка человека и «языков» животных.

Христианство, обращаясь с проповедью ко всему миру, совершает поворот и к другим языкам, а не только к греческому и латинскому, хотя предпочтение продолжает сохраняться. Для отцов церкви язык есть исключительно человеческое достояние, он не обожествляется. Признаётся то, что язык ниже человека и ниже именуемых реальностей.

В патристике активно велись споры о том, давал ли первые имена сотворенный Богом человек или их создавал сам Бог. Отстаивалась вера в то, что Бог дал владение языком как потенциальную способность и первочеловеку Адаму, и каждому человеку заложил способность создавать слова и способность к любой творческой деятельности, оставив право самому человеку совершать отдельные творческие акты (в том числе и по созданию имен).

А к античным спорам об истинности имен ранние христианские мыслители остались равнодушны. Они постулировали связь слова не с природой называемой им вещи, а с тем, что в сущности этой вещи познано и названо человеком. Ими признавалась нетождественность познания знака и познания вещи. Вместе с тем утверждалось превосходство языковых знаков

над другими в информативной силе, наличие присущей только им метазнаковой функции.

Особого внимания заслуживает выдвинутая Григорием Нисским гипотеза о происхождении языка в связи с ролью прямой походки человека, не свойственной животным, с использованием руки в трудовой деятельности и в письме, о приспособленности устройства рта к потребности производства (ср. аналогичную гипотезу Ф. Энгельса).

Многие идеи патристики прослеживаются в дальнейшем развитии философии языка на христианском Западе и Востоке. Особенно высока заслуга представителей патристики в закладывании основ схоластической логики и грамматики, сыгравших существенную роль в формировании средневекового лингвистического знания.

3. В. Гумбольдт – основоположник философии языка. О «философичности» самого языка как миропонимания человека писал В. фон Гумбольдт, связывая сравнительное языковедение с «философской историей человечества» (Гумбольдт, 1985, с. 383, 401). Карл Вильгельм фон Гумбольдт (Humboldt) (1767–1835) – основатель теоретического языкознания и лингвистической философии языка, выдающийся филолог, философ, историк, дипломат и государственный деятель. Он родился в старинной прусской дворянской семье. Вместе со своим младшим братом, будущим естествоиспытателем, географом и путешественником Александром, получил разностороннее домашнее воспитание и образование. В 1787–1788 гг. изучает юриспруденцию, философию, историю и филологию в университетах Франкфурта-на-Одере и Геттингена. По завершении университетского курса и путешествий во Францию и Швейцарию находится на службе в качестве судейского чиновника в Берлине (1790–1791). Занимается философской антропологией и эстетикой. Антропологической проблематике посвящены его работы «О различии полов и его влиянии на органическую природу» (1794), «План сравнительной антропологии» (1795), «О духе, присущем человеческому роду» (1797); философско-эстетической проблематике – исследование «Эстетические опыты. Часть первая. О «Германе и Доротее» Гете» (1797–1798), где развивается учение о художественном идеале как изображении идеи в облике индивида. Изучая язык басков в лингво-историческом и этнографическом аспектах, выдвигает идею о необходимости создания «систематической энциклопедии всех языков».

Основывает Берлинский университет (1809), ныне носящий имя братьев Гумбольдтов. Избирается членом Берлинской Академии наук (1810). В 1810–1818 гг. осуществляет дипломатическую деятельность в Вене, Праге, Париже, Лондоне.

После оставления государственной службы (1819) Гумбольдт всецело посвящает себя интенсивным изысканиям в области филологии, лингвистики и философии языка. Гумбольдт развивает свою концепцию языка на основании философско-сопоставительного и культурно-исторического изучения громадного числа языков разных языковых семей. Помимо европейских языков, многими из которых он владел в совершенстве, предметом его рассмотрения становятся коптский, древнеегипетский, китайский и японский языки, санскрит, а также малайско-полинезийские языки и индейские языки Америки.

В эти годы были созданы практически все его основные работы в области теории и философии языка: «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820), «О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» (1820–1822), «Опыт анализа мексиканского языка» (1821), «Характер языка и характер народа» (1822) и др.

Вершиной творческих достижений Гумбольдта в области философии языка является его фундаментальная работа «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1830–1835), представляющая собой вводную часть к незаконченному трехтомному труду «О языке Кави на острове Ява». Эта работа подводит итог всем лингвофилософским воззрениям Гумбольдта, начало которым было положено уже его ранней публикацией 1795–1796 гг. «О мышлении и языке».

Основные теоретические и методологические принципы концепции В. фон Гумбольдта заключаются в следующем:

- а) синтез натуралистического и деятельностного подходов (язык как организм духа и как деятельность духа);
- б) диалектическое соотнесение противоположных начал (в форме антиномий);
- в) системно-целостный взгляд на язык;
- г) приоритет динамического, процессуально-генетического подхода над структурно-статическим;
- д) трактовка языка как порождающего себя организма;
- е) приоритет вневременного (панхронического или ахронического) взгляда на язык над историческим анализом изменения языка во времени;
- ж) приоритет изучения живой речи над описанием языкового организма;
- з) сочетание интереса к реальному разнообразию существующих языков и к языку как общему достоянию человечества;
- и) попытка представить в идеальном плане языки как ступени к совершенному образованию языка как такового;
- й) отказ от описания языка только изнутри его самого, вне связей с другими видами человеческой деятельности;
- к) сочетание философски отвлеченного взгляда на язык со скрупулезно-научным его изучением.

Миропостижение человека, по Гумбольдту: а) лингвоцентрично, т.е. опирается на язык, б) интерпретативно (и в этом смысле лингвоцентричное миропостижение есть вместе с тем и мирозидание) и в) энергично (оно – живая деятельность духа), или, на языке современной интерпретации энергичной парадигмы Гумбольдта, – синергично.

Рассмотрим эти положения подробнее.

1. Язык, по Гумбольдту, – главнейшая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и познания. Он есть важнейшее условие сознания и познания, источник упорядочивания чувственных впечатлений при познании.

2. Язык обладает, по Гумбольдту, известной автономностью по отношению к мышлению и в своей цельности независим от мысли. Он представляет собой идеальный, сам по себе объективировавшийся мир, создаваемый человеком из впечатлений, получаемых от восприятия мира. Этот

особый мир внутренняя работа человеческой духовной силы и ставит между собой и природой. Осуществляя посредничество между природой и человеком, язык поглощает в своей собственной вновь созданной стихии «сущность мира и человека, реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму» (Гумбольдт, 1984, 305).

Слово, по Гумбольдту, – это отпечаток не предмета самого по себе, а его чувственного образа, созданного этим предметом в нашей душе в результате языкотворческого процесса. Оно эквивалентно не самому предмету, даже чувственно воспринимаемому, а его пониманию в акте языкового созидания. Всякий язык, обозначая, в действительности созидает: он формирует для говорящего на нем картину мира.

3. По замечанию Г.Г. Шпета, для Гумбольдта было величайшим откровением, что язык есть энергейя. К этому у него также «все сводилось». В этом смысле надо понимать и все другие оттенки в описании этого термина: язык есть «духовная деятельность», «имманентное произведение духа», он заложен в самой природе человека» (Шпет, 1999, 35). Язык, по Гумбольдту, полагает Шпет, можно рассматривать «не только как субстанцию, но и как субъект, не только как вещь, как продукт, произведение, но и как производство, как энергийю» (там же). Будучи энергийей, он создает для человека картину мира.

В. Гумбольдту присуще своё собственное понимание способов и целей лингвистического компаративизма, призванного, по его мнению, искать глубинные истоки языка не в материальных условиях жизни, а в духовной сфере. Языковая способность понимается им не только как уникальный дар человека, но и как его сущностная характеристика. Он утверждает изначальное единство языка и мышления, языка и культуры. В. фон Гумбольдт убежден в том, что язык не развивается постепенно по пути усложнения и совершенствования, а появляется сразу как целостная и сложная система, заложенная в человеке. Им высказывается идея существования языка как неосознаваемой формы и как интеллектуальной активности, проявляющихся в актах «превращения мира в мысли». Он утверждает, что мышление зависит от языка, образующего промежуточный мир между внешней действительностью и мышлением. Разные языки квалифицируются как разные мировидения.

В. фон Гумбольдт выдвигает трехчленную схему индивид – народ – человечество, утверждая, что индивидуальная субъективность в постижении мира через язык снимается в коллективной субъективности данного языкового сообщества, а национальная субъективность – в субъективности всего человеческого рода, объединяемого не на биологической, а на культурно-этической и социальной основе. Им постулируется тождество языка и национального духа, духа народа. Он указывает на то, что «истинное определение языка может быть только генетическим». Генетический момент констатируется скорее по отношению к речи, чем к языку.

В языке различаются материя и форма, внешняя (звуковая и грамматическая) и внутренняя (содержательная) форма. Особое значение для последующих периодов развития языкознания имела трактовка внутренней формы языка, определяющей способ соединения звуков и мыслей, как собственно языка. Утверждалось, что у каждого языка наличествует своя внутренняя форма.

Предназначение языка видится в «превращении мира в мысли», в выражении мыслей и чувств, в обеспечении процесса взаимопонимания, в развитии внутренних сил человека. В каждом отдельном языке видится инструмент для специфической интерпретации мира в соответствии с заложенным в этом языке миропониманием, орудие формирования для говорящего на нем народа картины мира. Языку приписывается функция регулирующего воздействия на поведение человека.

В. фон Гумбольдт закладывает основания для содержательной типологии языков, опирающейся на понятие внутренней формы. Он признает своеобразие каждого языка как в плане формы, так и в плане содержания. В плане содержания самого языка выделяются не только идиоматический (идиоэтнический), но и универсальный компонент. Он следует идеям Дж. Харриса, но предлагает иной способ разграничения идиоэтнического и универсального. «Общее родство» (т.е. типологическая близость) понимается как «тождество целей и средств». Универсальное трактуется как основа способности к многоязычию, возможности адекватного перевода с языка на язык. Все типы языка признаются равноправными по своим возможностям, никакой из языковых типов не может считаться исходным.

Лингвофилософские воззрения Гумбольдта оказали влияние на формирование психологического направления в языкознании (Г. Штейнталь, А.А. Потенбя), эстетической школы (К. Фосслер), феноменологии языка (Г.Г. Шпет), генеративистики (Н. Хомский), неогумбольдтианства (Л. Вайсгербер). Идеи Гумбольдта продолжают оказывать свое глубокое воздействие на становление некоторых направлений и в современном гуманитарном познании (лингвистическая и диалогическая герменевтика и др.). По утверждению некоторых эпистемологов и историков науки (Р.М. Фрумкина), «доминанту современного состояния наук о человеке можно было бы назвать «Вперед к Гумбольдту!».

4. Зарождение философия языка в России. Отечественная традиция философствования по поводу языка имеет давние и прочные основания, а ее начало можно отнести ко времени христианизации Руси. Обсуждение проблем языка было обусловлено необходимостью защиты славянского языка от нападков римской курии, придерживавшейся ортодоксальной теории трехъязычия и признававшей «богодухновенными» только еврейский, греческий и латинский языки.

Критика «трехъязычной ереси» со стороны первоучителей славян братьев Кирилла и Мефодия означала утверждение права славянского языка на «апостолзацию», возведение его до уровня божественного. В то же время деятельность Кирилла и Мефодия была связана не только с задачами осуществления богослужения на славянском языке. Позиция славянских просветителей выражала осознаваемое ими величие Киевской Руси, ее культурных и исторических традиций. Вопрос о языке, таким образом, из религиозного трансформировался в философский и представлял уже важность как вопрос о роли языка в развитии и сохранении духовности славянского народа.

Идея неразрывной связи духовной жизни русского народа с его языком пронизывает всю отечественную историю. Лучшие представители русской культуры глубоко осознавали особую роль языка в процессе национального возрождения, в развитии образования и воспитания, в борьбе за священное

право народа иметь свой язык. В этот период высказывалась идея, что человек, говорящий только одним славянским языком, никогда не может быть ученым, ибо вся наука основана на греческом и латинском языках. Так считал, например, иезуит Петр Скарга. Позднее эту позицию поддержали известные русские философы Г.П. Федотов и Г.Г. Шпет. В «Очерках развития русской философии» Г. Шпет (1879–1937), в частности, писал: «Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишённого культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль... И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке?..».

Однако большинство русских мыслителей нигилистическое отношение к родному языку воспринимало как враждебность к собственному народу и его духовности. Так, протопоп Аввакум, обращаясь к царю, называет русский язык ангельским и считает его выражением любви Божией. Он воспринимал веру народа и язык его как неразделимое целое.

Наряду с осмыслением роли языка как средства развития и сохранения духовности народа, русские мыслители решали проблемы сущности языка его значения для развития мышления и познавательных способностей человека. Симеон Полоцкий в своей «Книжице вопросов и ответов» в качестве поучения приводит рассуждение Гр. Нисского о том, что «ум рождает слово и слово же подвизает ум. Ничто же ум есть без слова, ничто же слово без ума».

Существенную роль в зарождении философии языка в России сыграло складывание единого общенационального языка. До появления общенационального языка в России на равных правах употреблялись церковнославянский язык, используемый преимущественно церковью, «приказной», или «подьяческий» – при ведении государственных дел и живой общеразговорный русский язык для общения в повседневной жизни. Так, протопоп Аввакум использовал одновременно как «природный русский язык» с присловиями, поговорками, крепкими выражениями, так и церковнославянский, когда говорил о вещах «Божеских». Здесь можно говорить о наличии разных стилей, которые, смешиваясь, затрудняли процессы коммуникации и тормозили развитие просвещения в России.

Анализируя языковую ситуацию в России в конце XVII – XVIII столетии, в первую очередь следует отметить непосредственное влияние петровских реформ. Влияние реформ было двояким: с одной стороны, самодержавная имперская политика Петра I нуждалась в едином, общедоступном и простом по своей грамматике языке как воплощении государственной воли; с другой – реформы сопровождалась секуляризацией духовной жизни русского общества, которая была связана с идеями европейского просвещения и образованности, для нужд которых ни церковнославянский язык, ни способы обучения грамоте не подходили. Говоря о петровской реформе азбуки, которая была направлена на разрешение этих проблем, историк М.П. Погодин сравнивал данную революцию в языке с революцией в государстве.

Реформа азбуки была наиболее важным выражением языковой политики Петра I. Создание общедоступного и всем понятного языка осуществлялось посредством введения русского гражданского шрифта, который был призван обслуживать культуру России того времени. В рамках петровской

языковой реформы церковно-славянский язык воспринимался обществом как язык клерикальный, противостоящий русскому литературному языку – языку новой светской образованности.

Эта политика Петра стала той платформой, на основе которой ученые, мыслители и поэты петровского времени – Ф. Прокопович, А.Д. Кантемир, В.Н. Татищев, В.Е. Аодуров, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков – вырабатывали свои программы создания грамматики русского языка, светской по своему характеру и отвечающей потребностям просвещения.

В своей грамматике В.Е. Аодуров (1707–1780) последовательно отстаивает самостоятельные права русского языка. Он выступает против использования церковно-славянских слов. Ориентация на устную русскую речь была свойственна и В.К. Тредиаковскому (1703–1768), который критиковал обращение к греческому языку как образцу для русского, которое, в частности, имело место в «Грамматике славянской...» М.Г. Смотрицкого. Он считал, что русская орфография «не имеет ни малой нужды быть подобна всякой чужой».

В.Н. Татищев (1686–1750) и А.П. Сумароков (1717–1777) богатство русского языка связывали прежде всего с его чистотой.

Философской основой программ создания русских грамматических учений преимущественно выступал рационализм. Так, Феофан Прокопович полагал, что языки различаются лишь формами, конструкциями и звуками, а общее логическое содержание у них едино. Следовательно, достаточно лишь описать грамматические особенности языков, естественные основы искусства речи для того, чтобы создать грамматику. Близка такому подходу и позиция А.Д. Кантемира (1708–1744), который тоже считал, что слово – форма существования логически стройной, ученой мысли.

Синтез церковно-славянского и русского языков в «славенороссийском» отражал новый взгляд на дальнейшие шаги по созданию литературного языка в России. В его формировании и развитии решающая роль принадлежала М.В. Ломоносову (1711–1765), который своими филологическими трудами определил характер и методы решения проблем русского языкознания.

В основу подхода к решению проблем формирования общенационального языка Ломоносов положил «общее философское понятие о человеческом слове» и воплотил его в «Российской грамматике». Ломоносов разделил свою грамматику на две части – общую и специальную. В первой части «Российской грамматики» представлена общая грамматика как философское понятие о человеческом слове, т.е. выделены основные грамматические категории, так как они имеют место во всех известных ему языках, в другой – специальной части – излагается собственно грамматика, знание о том, «как говорить и писать».

Философия языка как самостоятельное течение в России своим предметом имеет *слово* в его соотнесенности с разнообразными аспектами человеческого бытия. И это будет показано в следующей лекции.

Анализ места и роли слова в истории общества свидетельствует о неразрывной связи языка с историей народа и его культурой. П.А. Вяземский, русский поэт и критик, писал:

*Язык – есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.*

Особый интерес ученых и философов к языку был обусловлен не только его неразрывной связью с историей и культурой народа, но и с тем влиянием, которое язык оказывает на философию. Язык, не являясь источником развития философии, тем не менее придает своеобразный «изгиб» (Ю. Степанов) основной линии ее развития. Это обстоятельство проявилось, например, в том, что в рамках отечественной философии в силу особого статуса языка в духовной жизни общества возникла самобытная теория познания – *словология*, существенно отличающаяся и дополняющая рационалистическую (логико-силлогистическую) гносеологию европейских мыслителей. Словология представляла собой не только особый способ рационального освоения мира, но и специфическую форму антропологически-экзистенциального осмысления целостности и полноты жизни.

Выводы. Превращению слова в базовый элемент русской философии способствовала его особая роль на различных этапах отечественной истории и культуры. Значимость слова впервые проявилась в период введения на Руси богослужения на славянском языке, что свидетельствовало о его возвышении до уровня божественного. Велика была роль слова в распространении просвещения в России и при решении научных задач. Важная роль отводилась языку и в пробуждении национального самосознания.

Развитие философии языка в России, как показывает ее история, происходило под влиянием западноевропейской лингвофилософской мысли. Вместе с тем русские языковеды и философы выработали самобытный культурно-философский подход, позволивший значительно расширить контекст исследования языковых проблем и в его изучении выйти за традиционные логико-гносеологические рамки.

Обращение к истории философии языка позволяет проследить историю отечественных традиций философствования по поводу слова, глубже понять закономерности формирования лингвистической культуры общества, особенности ее развития в России. История философии языка, вобравшая в себя идейные традиции языкознания, психологии, истории, антропологии и других наук, раскрывает сложный путь утверждения в обществе норм и обычаев отечественной лингвокультуры.

Лекция 4. ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В XX ВЕКЕ НА ЗАПАДЕ

План

- 1. Лингвистические повороты в философии XX века.**
- 2. Первый лингвистический поворот. Ранний Л. Витгенштейн и его «Логико-философский трактат».**
- 3. Второй лингвистический поворот в философии. Поздний Л. Витгенштейн.**
- 4. Развитие идей философии языка в трудах Г. Гадамера и У. Куайна.**

1. Лингвистические повороты в философии. Термин *лингвистический поворот* описывает ситуацию, сложившуюся в философии в 20-е годы. Это своего рода языковая революция в философии: примером тому являются лингвистическая философия Л. Витгенштейна («Логико-философский трактат»), феноменология Э. Гуссерля («Логические исследо-

вания)), фундаментальная онтология Хайдеггера, неопозитивизм. Они рассматривали обыденный язык как источник заблуждений и философских проблем и противопоставляли ему язык, упорядоченный в соответствии с законами логики.

2. Ранний Л. Витгенштейн. «Логико-философский трактат».

В основу данного исследования была положена мысль Рассела «логика есть сущность философии», и, соответственно, вся философия понималась как учение о логической форме познавательных высказываний (предложений). Лейтмотив работы – поиск предельно ясной логической модели знания-языка и общей формы предложения. В ней, по замыслу Л. Витгенштейна, должна быть ясно выявлена сущность любого высказывания (осмысленного утверждения о той или иной ситуации). А тем самым должна быть раскрыта, так думалось автору, и форма постижения факта, этой основы основ подлинного знания о мире.

Предложение осмысливается в Трактате как универсальная форма логического представления («изображения») действительности. Вот почему Витгенштейн считал эту тему такой важной для философии и сначала даже назвал свой труд «Предложение» («Der Satz»). Латинское название «Tractatus logico-philosophicus» предложил Дж. Мур, и автор его принял. Концепция «Логико-философского трактата» базировалась на трех принципах: толковании предметных терминов языка как имен объектов, элементарных высказываний – как логических картин простейших ситуаций (конфигураций объектов) и, наконец, сложных высказываний – как логических комбинаций элементарных предложений, с которыми соотнесены факты. Совокупность истинных высказываний в результате мыслилась как картина мира.

Трактат – своеобразный перевод идей логического анализа на философский язык. Он начинается с определенной картины мира (онтологии). Но в реальном исследовании Л. Витгенштейн шел от логики. А уж затем достроил ее (или вывел из нее) соответствующую (изоморфную ей) онтологию. При этом логика была тесно увязана с эпистемологией. Постулировалось, что логические атомы – элементарные высказывания – повествуют о событиях. Логическим комбинациям элементарных высказываний (молекулярным предложениям, по терминологии Рассела) соответствуют ситуации комплексного типа, или факты. Из «фактов» складывается «мир». Совокупность предложений дает «картину мира».

Важнейшим шагом от логической схемы к философской картине знания о мире и самого мира стало толкование элементарных высказываний как логических «картин» фактов простейшего типа (событий). В результате все высказываемое предстало как фактическое, т.е. конкретное или обобщенное (законы науки) повествование о фактах и событиях мира.

В «Логико-философском трактате» была представлена тщательно продуманная логическая модель «язык – логика – реальность», проясняющая, по убеждению автора, границы информативно-познавательных возможностей постижения мира, определяемые структурой и границами языка.

Тема осмысленного и бессмысленного главенствует в «Логико-философском трактате». Основной замысел труда, как разъяснял автор, со-

стоял в том, чтобы провести «границу мышления, или, скорее, не мышления, а выражения мысли». Важным, считал Л. Витгенштейн, является поиск критериев разграничения осмысленного и бессмысленного. Решения этой серьезной проблемы он намеревался добиться с помощью новейших методов логического анализа. «Логика должна позаботиться о себе», — провозгласил он. И пояснил: в ней должны быть установлены четкие логические правила, исключающие бессмыслицу, правила построения осмысленных (информативных) высказываний и распознавания псевдовысказываний, ни о чем не повествующих, но претендующих на это.

Итак, весь корпус осмысленных высказываний составляют информативные повествования о фактах и событиях в мире. Они охватывают все содержание знания. Но кроме содержания есть форма знания. Ее обеспечивает логика.

Необычное толкование дал Витгенштейн предложениям философии, тоже причислив их к бессмысленным, не повествующим о фактах мира высказываниям. «Большинство предложений и вопросов, толкуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность. Большинство предложений и вопросов коренится в нашем непонимании логики языка. И неудивительно, что самые глубокие проблемы — это, по сути, не проблемы.

Таким образом, он считал, что выявил глубинную логическую «грамматику» языка, которая делала «прозрачным» и логический «каркас» мира (логическое пространство).

Всю философию он понимал как критику языка. В «Логико-философском трактате» читаем: «Философия не является одной из наук... Цель философии — логическое прояснение мыслей. Философия — не учение, а деятельность. Философская работа по существу состоит из разъяснений... Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми». Такие характеристики философии не означали для Витгенштейна умаления ее роли. Этим лишь подчеркивалось, что философия не принадлежит к области фактического. Она очень важна, но имеет совсем иную природу, чем информативное повествование о мире. Исследуя область логического знания, Л. Витгенштейн сумел выявить, сколь важную роль в философском мироуяснении играет невысказываемое — то, что может быть лишь показано, наглядно продемонстрировано. Проводя границу (в духе Канта), отделяющую знание (высказываемое), от того, «о чем невозможно говорить» и следует хранить «молчание», философ подводил читателя к мысли: именно тут, в особой сфере человеческого Духа (ей даются имена «Мистическое», «Невыразимое») рождаются и живут самые важные и интересные для философа проблемы. К тому, о чем невозможно говорить, философ относит и все высокое: религиозный опыт, этическое, постижение смысла жизни. Все это, по его убеждению, не подвластно словам и может быть явлено лишь делом, жизнью. Со временем стало понятно, что эти темы были главными в Трактате, хотя сам автор считал основной темой своего труда этику — то, что высказыванию не поддается, о чем приходится молчать особым, исполненным глубокого смысла, молчанием.

Итак, основные положения Трактата: 1. Мир есть все, что происходит. 2. Мир – целокупность фактов, а не предметов. 3. Происходящее, факт, – существование событий. 4. Мысль – логическая картина факта. 5. Мысль – осмысленное предложение. 6. Целокупность предложений – язык. 7. Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. 8. Вся философия – это «критика языка». 9. Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. 10. Границы моего языка означают границы моего мира. 11. Я есть мой мир (Микрокосм). 12. О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

3. Второй лингвистический поворот в философии. Поздний Л. Витгенштейн. Вторая волна лингвистического поворота приходится на 40–50-е годы XX века. Идея единого совершенного языка заменяется понятиями различия многозначности, историчности оснований языка, описанием его политических и социальных функций. Понятия историчности оснований языка, описание его политических и социальных функций. Рассмотрим, как трактуется философия языка в трудах позднего Витгенштейна.

В философии исследуется два типа языков – искусственные языки и естественный язык. В первом случае речь идет о науках, где используются искусственные языки – язык химии, математики и т.д.

В естественных языках значение и смысл не являются столь четко определенными, как считал Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате», в котором он писал, что все должно быть ясным, четким, понятным.

Новые подходы к пониманию языка отражены в его поздних работах. Так, он утверждал, что **значение слова есть его употребление**. Витгенштейн имеет в виду, что в прежних его работах слово и значение слова увязывались уж очень формально, по формуле «слово есть метка предмета». А между тем язык – это сама наша жизнь, в ней одно и то же слово может обладать многими сотнями значений. Для философии языка язык является единственным достойным всяческого внимания предметом исследования. Для других философских направлений язык – очень важная тема.

Ранний *Витгенштейн* видел в языке границу мышления. Витгенштейн: «Границы моего мира суть границы моего языка».

Поздний *Витгенштейн* переносит ударение на действия человека, его практическую жизнь. Он пытается найти ответ на следующий вопрос: **можно ли считать язык, речь границей наших поступков, действий?**

Итак, аналитики правы в том, что язык позволяет выразить все богатство нашей жизни. Но оно содержится в языке в форме высказываний, а не как таковое. Язык – это богатейший символ нашей жизни, а не сама жизнь как таковая во всем ее многообразии.

- Значение слова есть факт, который оно обозначает (ранний *Витгенштейн*).

- Значение слова есть его употребление в языковой игре и практической деятельности (поздний *Витгенштейн*).

Таким образом, язык рассматривается на данном этапе как единственный достойный внимания предмет исследования. Ведущее место среди всех языков

занимает естественный язык, ибо языковой знак способен стать экспонентом культуры. Язык тесно связан с мифологией, религией, наукой и другими формами познания мира. Х.Г. Гадмер писал, что философия «срослась с языком и только в языке имеет свое бытие» (Гадамер, 1991, с. 144).

4. Развитие идей философии языка в трудах Г. Гадамера и У. Куайна. *Ганс Георг Гадамер* (р. 1900), немецкий философ, один из самых крупных мыслителей второй половины XX в. Учился в университетах Бреслау и Марбурга, где изучал философию, классическую филологию, историю, теорию литературы, историю искусств, теологию. В 1923 году познакомился с Хайдеггером, преподававшим в Марбургском университете. С 1939 по 1947 – профессор в Лейпцигском университете, затем преподавал во Франкфурте-на-Майне. После выхода на пенсию (1968) работал в качестве приглашенного профессора в университетах США (до 1989). Более всего известен как основатель «философской герменевтики».

Главный его труд – «Истина и метод» («Wahrheit und Methode», 1960). В этой работе он обращается к поставленной Дильтеем проблеме философского обоснования гуманитарных наук, однако рассматривает ее (под влиянием Хайдеггера и Гегеля) в ином аспекте. Если Дильтей видел в «понимании» специфику гуманитарного знания (в отличие от естественных наук, для которых основная процедура – «объяснение»), то для Хайдеггера «понимание» выступает в ином качестве – как опыт человеческого бытия в его истине. Гадамер подхватывает хайдеггеровскую постановку вопроса, но рассматривает ее с позиций Дильтея. Разрабатываемая им герменевтика не является ни учением об искусстве понимания, как у Шлейермахера и Дильтея, ни самораскрытием человеческого существования в его бытии, как у Хайдеггера, она представляет собой *философское прояснение разума*, с деятельностью которого мы имеем дело в гуманитарном познании.

Язык, по Гадамеру, представляет собой непрерывную игру «вопрос – ответ», находящую выражение как в понимании и истолковании текстов, так и в диалоге между отдельными людьми. Свои систематические рассуждения Гадамер подвергает постоянной практической проверке. Он интенсивно занимался истолкованием поэзии (Гельдерлин, Гете, Стефан Георге, Пауль Целан) и философской классики (Платон, Аристотель, Гегель, Хайдеггер).

Идеи Г. Гадамера оказали сильное влияние на развитие современной герменевтики, которая рассматривается как лингвофилософская теория. Герменевтика сложилась как теория о предпосылках, возможностях и особенностях процесса понимания. Название «герменевтика» восходит к древнегреческому «hermeneia» – «толкование». Основы герменевтики как общей теории понимания были заложены Ф. Шлейермахером (1768–1834), но сама концепция в наиболее распространенном у нас варианте принадлежит Г. Гадамеру.

Традиции герменевтики формировались еще в средние века при истолковании библейских текстов. Они способствовали разъяснению и истолкованию текстов и лежали в основе перевода текстов с языка одной эпохи на язык другой эпохи. Обращение к тексту – традиция герменевтики. Но в процедуры истолкования текста, которые и находятся в центре его внимания, Гадамер вносит новое. В некоторых традиционных и современных

герменевтических концепциях обосновывалась идея о том, что истолкование должно стать максимальным «приобщением» к миру, замыслам, личности творца (или творцов) текстов. Тем самым гарантировались глубина и объективность интерпретации, реконструкция заложенного в тексте смысла. Г. Гадамер существенно меняет герменевтический подход: он настаивает на уникальности бытийной исторической ситуации, в которой был создан текст, и ситуации его интерпретатора. При этом он делает вывод: «проникновение», «перевоплощение» невозможно, да и нежелательно. Раз дистанция между прошлым и настоящим, текстом и интерпретатором все равно существует, раз реконструкция нереальна и все равно имеет место конструкция смысла (текста и ситуации), то следует продумать процессы и процедуры герменевтики именно в этих аспектах.

Философская герменевтика в ее трактовке Г. Гадамером сделалась моделью философии, сознающей свою глубокую связь с классической традицией и в то же время не отрицающей своеобразия современной ситуации.

Уиллард Ван Орман Куайн – один из самых известных философов XX столетия. У. Куайн исследовал вопросы онтологии и ввел в аналитическую философию понятие онтологической относительности и онтологических обязательств. В философии языка его новаторство заключалось в критике восходящего к Канту различия аналитических и синтетических высказываний, а также в разработанном им тезисе о неопределенности перевода. В вопросах эпистемологии Куайн занимал строго натуралистическую позицию. С его именем иногда связывается конец классической аналитической философии и переход к постаналитической.

Книга «С точки зрения логики», вышедшая в свет в 1953 году, представляет собой сборник статей Куайна, большая часть которых была опубликована в 40-е–50-е годы и посвящена вопросам логики, онтологии и семантики. Но главный труд Куайна «Слово и объект» вышел в 1960 году, именно в нем Куайн приступает к основательному исследованию теории значения, проблемы онтологической относительности и неопределенности перевода. Среди опубликованных в нем статей Куайна наиболее известны две: «О том, что есть» и «Две догмы эмпиризма».

Рассмотрение философской позиции Куайна лучше начать с его взгляда на онтологическую проблему. Здесь его аргументация во многом опирается на открытия Г. Фреге и Б. Рассела. Вопросы, стоящие перед Куайном, касаются онтологического статуса абстрактных сущностей и референции для таких терминов, как «круглый квадрат» или «современный король Франции». Существует ли такая абстрактная сущность, как «кентавр»?

С одной стороны, существование кентавров кажется невозможным, поскольку они являются мифологическими персонажами, т.е. вымышленными сущностями. Однако Куайн сразу указывает на сложность, с которой сталкивается человек, пытающийся отрицать существование кентавров: если мы отрицаем существование кентавров, то мы говорим о чем-то, а если мы говорим о чем-то, то оно должно в каком-то смысле существовать, ведь иначе мы бы даже не могли о нем говорить. Получается, что для избегания противоречия необходимо признавать существование всех возможных

предметов и, соответственно, приписывать им какой-то онтологический статус. С таким подходом, наиболее четко сформулированным в работах А. Мейнонга, Куайн, вслед за Расселом, согласиться никак не может.

Выход из сложившегося затруднения, по мнению Куайна, отыскивается в рамках философии языка при анализе семантики терминов. Для него важным является строгое отделение сферы именованного от сферы значения (или смысла). Для того чтобы быть понятным, пишет Куайн, термину вовсе не обязательно на что-то указывать: существует много терминов, которые, будучи значимыми, не указывают ни на какую сущность. Поэтому мы можем понимать такие термины, как «кентавр» или «современный король Франции», и при этом обходиться без допущения каких-либо сущностей, поскольку, употребляя эти термины, мы ничего не именуем.

В одной из статей данного сборника («Заметки по теории референции») У. Куайн четко определяет сферу значения (смысла) термина и сферу его референции. Так, к сфере значения он относит синонимию, значимость, аналитичность и логическое следование, а к сфере референции – именование, истину, денотацию и объем. Поэтому, по Куайну, если речь идет о значении термина, то подразумевается не какая-то сущность, а одна из четырех указанных тем. Таким образом, преодолеваются сложности, связанные с отказом таким сущностям, как «кентавр», в существовании.

Суть куайновского подхода к онтологической проблематике не является оригинальной. Здесь Куайн всего лишь продолжает идеи Б. Рассела, изложенные в теории дескрипций. Однако новаторство Куайна заключается в четком определении того, что значит быть именем, дескрипцией, и того, что значит существовать. Имена, по Куайну, – это термины, указывающие непосредственно на объекты. Дескрипции – это термины, которые не указывают ни на какие объекты, но могут делать суждения относительно этих объектов истинными или ложными. Существуют только те предметы, которые являются поименованными, поэтому существовать – значит быть поименованным.

Подход к онтологической проблематике изложен им в статье «О том, что есть». Смысл критерия не столько в том, что поименовать нечто – значит наделять его существованием, сколько в том, что о существовании предметов мы можем узнать, лишь обратившись к употреблению языка.

Сам критерий не призван объяснить, какие вещи существуют, а какие нет. Именно поэтому он и был принят многими логиками и философами. Будучи применимым только для формализованных языков логики, критерий предлагает единый подход для их рассмотрения. Каждый язык логики рассматривает определенные термины в качестве имен, что обуславливает его «онтологические обязательства», т.е. предметы, которые рассматриваются в нем в качестве существующих. Допускаемые предметы, таким образом, зависят от языка, однако и язык зависит от предметов, поскольку строится на их основе. Результатом такой взаимозависимости является так называемая концептуальная схема, в которой язык и онтология неразрывно связаны друг с другом. Каждый язык выражает свою концептуальную схему. Выбор между концептуальными схемами, согласно Куайну, осуществляется на основе прагматических соображений.

Данная идея, впервые высказанная Куайном в статьях, вошедших в этот сборник, явилась основой для более поздней выработки теории «онтологической относительности». Особенность куайновской теории заключается в том, что реальный мир все же существует, однако всегда остается недостижимым, что обуславливает скорее плюрализм, а не релятивизм в онтологии.

Онтологическая относительность и теория концептуальных схем стали символами постаналитической философии, однако сам переход от аналитической к постаналитической философии связывается с куайновской критикой базовых понятий аналитической традиции, приведенной в статье «Две догмы эмпиризма».

Согласно определению Канта, аналитические истины – это суждения, истинные только благодаря определениям входящих в них терминов. Так, например, для того чтобы признать суждение «окулист – это глазной врач» истинным, нет необходимости обращаться к опыту. Нужно всего лишь знать, каково содержание термина «окулист» и термина «глазной врач». Согласно логическим позитивистам, «окулист» и «глазной врач» являются синонимами, поскольку были приняты соответствующие логические правила и тавтологии. В любом случае язык подчиняется тем или иным логическим правилам, которые, в свою очередь, являются правилами нашего мышления. Мы, как говорил Витгенштейн, не могли бы представить себе, как выглядит нелогичный мир. Именно эту позицию Куайн называет догмой эмпиризма.

На русский язык переведена важная для англо-американской философии книга «С точки зрения логики». Куайн искусно владеет языком, и его предложения, будучи лаконичными, являются нагруженными содержательно. Перевод любого текста Куайна – непростая задача. С проблемой перевода тесно связана прагматическая теория языка У. Куайна.

Лекция 5. ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В РОССИИ

План

- 1. Русская философия языка на рубеже XIX и XX веков. Общая характеристика периода.**
- 2. Учение о языке и слове в трудах Н.П. Гилярова-Платонова, П.Д. Юркевича, Ф.А. Голубинского и В.Д. Кудрявцева-Платонова.**
- 3. Учение В.С. Соловьева.**

1. Рубеж XIX и XX веков, называемый периодом «русского духовного ренессанса», «серебряного века» русской культуры, стал одним из самых важных этапов в истории русской культуры и одновременно в истории философии языка. Общей духовной основой этого периода была русская религиозная философия, традиции которой шли от славянофилов и В.С. Соловьева (1853–1900). Их влияние сказалось на творчестве русских религиозных мыслителей начала века – Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, В.В. Розанова, В.Ф. Эрн, Л.И. Шестова, Н.О. Лосского, А.Ф. Лосева и др.

В центре их внимания по-прежнему находились фундаментальные проблемы: о Боге как Сущем, о связи Бога и мира, Бога и человека. Наряду

с ними они обратились к новым темам: о соборности, софиологии, онтологических основаниях духовных явлений, о всеединстве и др. Наряду с этим встает проблема осмысления языка, который определялся, по выражению византийского богослова IV века Гр. Нисского, тем, что «его Слово — всещественное покрывало: открой его — и узришь Господа».

Поскольку язык рассматривался ими как наиболее адекватная форма выражения самосознания народа и средство уникализации его духовного опыта, то философские проблемы языка рассматривались как наиболее приемлемое средство познания души народа, склада его ума.

2. Русский философ Н.П. Гиляров-Платонов считал, что определение языка как «орудия сообщения мыслей» принадлежит к числу самых ошибочных. Его понимание сущности языка во многом сходно со славянофильским: язык представляет собой саморазвивающуюся среду, живущую по своим собственным законам на протяжении тысяч лет. Вслед за Хомяковым он считал, что онтологической формой бытия языка является этимология, которая соединяет в себе как современные формы языка, так и прошлый духовный опыт народа.

Поскольку, с точки зрения современного языкознания, этимология воссоздает генезис и бытование морфологической, а не лексической единицы, то получается, что этимология указывает не столько на то, что значит слово, сколько на то, как слово возникло. Это обстоятельство интуитивно понимал и Н.П. Гиляров-Платонов, так как в своих работах он последовательно проводит мысль о том, что смысл воспринятого, процесс понимания носит сугубо индивидуальный характер. «Слово, — пишет он, — обращенное к другому лицу, только возбуждает чужую мысль, а не то, что передает мою; она и не может по существу быть передана; она остается во мне, и я не имею силы ее выложить». Чтобы мысль высказанная стала достоянием другого человека, необходимо чтобы он умственно и духовно пережил то же, что и субъект мысли. Передать с наибольшей полнотой смысл сказанного позволяет этимология. Чем яснее сознается человеком этимология в ее современном объеме и историческом развитии, тем прозрачнее и чужая, и собственная мысль, считал философ.

С другой стороны, как считал Н.П. Гиляров-Платонов, для «умственного обладания языком» не менее значимы не только современные формы бытия слов, но и их история. По глубокому убеждению философа, вопрос об изучении истории языка есть вопрос нравственный. В истории содержится «запас понятий и представлений, надуманных и прожитых человечеством». Без истории нет прогресса в развитии языка. Невнимание к исторической этимологии безнравственно и влечет за собой «неизбежное сокращение умственного кругозора, неизбежную тесноту мысли». Язык через этимологию определяет сознание как индивидуума, так и всего народа — «большой разумной семьи». На этом основании философ утверждает, что человек принадлежит языку в большей степени, чем язык ему.

Начала слов, считал другой видный представитель религиозно-философской мысли П.Д. Юркевич, связаны не только с мышлением, с идеей, но со всей душой как системой психических процессов. Сам язык обра-

щает наше внимание на «задушевную сторону», составляющую индивидуально-своеобразную и обособленную душевную жизнь. Отсюда стремление русских религиозных мыслителей разграничить мысль и слово.

Известный русский мыслитель Ф.А. Голубинский и его ученик В.Д. Кудрявцев-Платонов оказали значительное влияние на развитие философии языка. С именем Ф.А. Голубинского связано зарождение оригинального направления духовной мысли – «богословско-философского». Кроме того, он заложил основы онтологической школы в русском богословии, которые затем были развиты В.Д. Кудрявцевым-Платоновым, А.И. Введенским и, наконец, П.А. Флоренским.

Основу религиозной философии Ф.А. Голубинского составляли учение о Бесконечном, которое есть начало всякого индивидуального акта познания, и учение «о самодостовренности мышления», основным законом его стал закон противоречия. Сама идея «Бесконечного» имплицитно присутствует в человеческой душе, и во все времена человек стремился приблизиться к ней. Через ум, скрытый в глубине сознания духовный орган, человек стремится приблизиться к Существованию Бесконечному, постигнуть его.

Исследование проблемы сходства конечного (т.е. человека) и Бесконечного (Бога) приводит Голубинского к важному выводу, сыгравшему свою роль в развитии религиозно-философской мысли в России. Признавая невозможность переноса на человека божественных характеристик, ибо некоторые из них недоступны даже праведникам в силу их абсолютности и непостижимости, мыслитель говорит о богоподобии лишь при опоре на Премудрость Божию. Эта мысль была развита В.С. Соловьевым в контексте «философии всеединства».

В.Д. Кудрявцев-Платонов, возглавивший после смерти Голубинского кафедру философии Московской духовной академии, утверждал: нужно возбудить в человеке жажду искания «единой Премудрости Божией» (Софии), которая есть воплощенное Слово (Логос).

Философские идеи В.Д. Кудрявцева-Платонова нашли воплощение в его учении о языке. Его воззрения на слово непосредственно связаны с рациональным обоснованием православия. Мыслитель выдвигает оригинальное понимание значения слова, которое существенно отличалось от устоявшихся в христианстве теорий происхождения идеи о Боге – традиционализма и мистицизма в связи с вопросом о происхождении языка.

В процессе богопознания философ определяет слову место в соответствии с достижениями современной ему лингвистической науки. Он полагает, что язык составляет «священное и постоянное достояние народа». Позднее в работах «Метафизический анализ рационального познания» и «Метафизический анализ идеального познания» (1889) он развивает цельное учение о языке в соответствии с теорией трансцендентного монизма. Он считает, что каждый человек получает понятие о Боге не иначе как через передачу ему этого понятия с помощью слов. Так, первый человек получил понятие Бога посредством слова или речи к нему самого Бога, а затем первоначально данное в слове откровение передавалось от поколения к поколению с помощью этого слова. «Мысль, идея, понятие не могут быть

восприняты умом иначе как в слове и посредством слова; мысль без слова, как показывает опыт, невозможна». Язык дан человеку Богом путем откровения, а вместе с ним не только религиозные, но и другие высшие теоретические и нравственные понятия. Из традиционализма, считает философ, вытекает вывод о непосредственной связи происхождения идеи о Боге с вопросом о происхождении языка. Бог как первый учитель людей сообщил им путем откровения не только содержание религии, но и дал язык вместе с понятиями. Поэтому, полагает Кудрявцев-Платонов, слово и научение посредством слов являются могущественным средством для развития мыслительной деятельности человека. Для понимания слов необходима некоторая предшествующая деятельность мышления, известный опыт духовной работы, что делает возможным процесс понимания.

Значение слова, считает В.Д. Кудрявцев-Платонов, можно понять только тогда, когда уже известно, что оно обозначает. Иначе говоря, «представление, понятие о предмете должно предшествовать слову».

3. Учение В.С. Соловьева, ученика В.Д. Кудрявцева, лекции которого он слушал. Мысль о создании собственной религиозно-философской системы возникла у В.С. Соловьева в результате осознания им пропасти, существующей между философией, богословскими учениями и наукой.

Идея целостного мирозерцания, целью которого является искание «единой бесконечной Премудрости Божией», ведет свое начало от славянофилов. Эта идея была воспринята Соловьевым как необходимая линия развития религиозно-философской мысли, которая позволит выйти теологии из кризиса. Возможность реализации этой идеи В. Соловьев связывал с формированием учения о цельном знании – «свободной теософии» как синтезе теологии, философии и науки.

Цельное знание формируется на основе знания о реальном мире, получаемом наукой, философия дает знание об идеальном мире, теология – об Абсолюте (Боге). Синтез этого знания воссоздает картину «всеединства», универсальную теорию единства мира, представляющую собой метафизическую систему в традиционном смысле.

Метафизика всеединства, составляющая ядро философской системы В.С. Соловьева, стала завершающим синтезом, вобравшим в себя ведущие направления отечественной религиозной мысли. В контексте философии всеединства Соловьев наметил и направления философского анализа языка.

Во второй части своей «Теоретической философии» он рассматривает язык, утверждая, что «решительно все, о чем только мы можем говорить, обладает достоверностью». Язык призван это засвидетельствовать. Слово, в понимании Соловьева, есть достоверное знание о переживаемых человеком психических состояниях и их логическом значении, основа мыслительной деятельности человека, способ выражения ее результатов, оно придает мышлению форму всеобщности. Язык при этом указывает не только на достоверность полученных знаний, но и является онтологической основой логического мышления.

Основные положения, раскрывающие понимание Соловьевым природы слова, заключаются в следующем: 1) слово существует как психический факт; 2) всякому слову присуще универсальное значение; 3) слово по-

лучает свой психический материал посредством памяти; 4) предполагая факт памяти, слово само предполагается мышлением, которое без слов не может иметь логического значения; 5) слово, поднимаясь над дробными явлениями, собирает разрозненное в такое единство, которое «всегда шире всякой данной наличности и всегда открыто для новой».

В своем учении о языке В.С. Соловьев склонялся к антипсихологизму и стремился преодолеть гносеологический субъективизм, придать познанию максимально объективное содержание. Философ убежден, что познание осуществляется в слове и через слово, в котором мышление получает свое бытие. Мысль неразрывно связана со словом, опирается на язык, который благодаря указанию на достоверность обозначаемого им способствует наделению истины метафизической сущностью.

В контексте философии всеединства язык превращается в средство реализации синтеза философии, теологии и науки. Его способность выражать не только результаты работы разума человека, но и его переживания и другие психические состояния, делает его универсальным средством выражения цельного знания о мире и Боге.

Лекция 6. СОВРЕМЕННОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА

План

- 1. Язык и его сущность в современных философских направлениях.**
- 2. Практическое и коммуникативное назначение языка.**
- 3. Язык как символ нашей жизни.**
- 4. Философия языка в трудах Ю.С. Степанова.**

1. Язык и его сущность в современных философских направлениях.

В своей деятельности человек имеет дело не с самим миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму языка и культуры народа, который видит этот мир. Вероятно, это и дает основание Ю.С. Степанову сказать, что язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль философов, придает мышлению форму всеобщности ученых (Степанов, 1985, с. 5).

В настоящее время философия языка развивается в европейской науке как в русле философии, так и теологии, логики, лингвистики. По всеобщему признанию (см. об этом, например, у Х.-Г. Гадамера), проблема языка занимает в современной философии такое же ведущее положение, какое полтора столетия назад имела в ней проблема мышления, а в немецкой классической философии – мышления, «мыслящего самого себя».

Крупнейшие философы XX века Л. Витгенштейн, Н. Бор и др. отводили центральное место в своих концепциях языку. Выдающийся мыслитель нашего времени Х.Г. Гадамер прямо утверждал, что «язык – единственная надежда на освобождение», а М. Хайдеггер считал именно язык, а не природу или окружающий мир первосущностей «домом бытия» человека, ибо язык не только отражает, но и создает ту реальность, в которой живет человек. Таким

образом, «языкознание имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» (Вежбицкая, 1999, с. 263). А логический анализ языка, по мнению еще одного крупнейшего философа Карнапа, – единственная задача философии: язык имеет окна, позволяющие выглянуть. Следовательно, бытие человека в языке и посредством языка имеет метафизическое измерение.

Рассмотрим по порядку, как понимается язык в рамках четырех ведущих современных философских направлений: феноменологии, аналитизма, герменевтики и постмодернизма.

- *Феноменологи* на первое место ставят анализ работы сознания. Язык оказывается *знаковым* выражением работы сознания. Важно, чтобы высказывания были полновесными знаками выработанным сознанием образцов, эйдосов.

- *Аналитики* понимают проблему иначе, чем феноменологи. Для них все богатство жизни содержится в языке. Неразумно поэтому ставить вопрос о том, что именно выражает язык и достаточно ли полно. Все богатство сознания и практики человека изначально дано в языке. Философия – это не что иное, как философия языка. Особенности современного аналитического языка отчетливо просматриваются в философии позднего *Витгенштейна*, который отлично понимал, что, так как значение слова есть его употребление, то значений у одного и того же слова может быть много. Но тем не менее он полагал, что все эти значения надо довести до стадии ясного анализа. Аналитик в понимании языка всегда стремится к ясности, такое стремление является его идеалом.

- *Герменевтики* также занимают особую позицию. Подобно философам античности они сопоставляют сущность предметов и язык. Но если античные философы, например *Платон*, считали, что язык есть *выражение* сущности, то герменевтики понимают язык как само бытие сущности. «Язык – это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание», – подчеркивает *Гадамер*. Понимание есть истолкование в форме вопросов и ответов. Для герменевтика крайне важно единство внутри следующей триады: сущность мира – язык – переживание. Аналитик же рассуждает в другой манере: язык – его анализ – мир фактов (никаких сущностей).

- *Постмодернисты* так же, как аналитики, ставят в центр философствования язык, прежде всего текст. Но если аналитики стараются препарировать текст научными способами, то постмодернисты отдают приоритет эстетике переживаний. Текст разлагается, но не произвольным образом, а так, чтобы вызывать красивые чувства — от удовольствия и наслаждения до боли и страданий. Для постмодерниста язык — это универсальная среда чувственности человека. Философия призвана освободить эту чувственность и возвысить ее.

В философии языка различаются три основные парадигмы представления языка, делающие акцент на семантическом, синтаксическом или же прагматическом планах языка (Степанов, Демьянков, 1991, с. 345): 1) философия имени («семантическая парадигма»), исходящая из имени и его отношения к миру, 2) философия предиката («синтаксическая парадигма»), опирающаяся на предикат как на ядро суждения и изучающая синтаксиче-

ские связи между языковым выражением и взглядом на мир, и, наконец, 3) «философия эгоцентрических свойств» («прагматическая парадигма»), исходящая из связи между языком и говорящим субъектом. Первая парадигма разрабатывалась в философии языка со времен античности вплоть до начала XX в. Вторая – в философии языка неопозитивизма. Третья – в философии языка позднего логического неопозитивизма (Б. Рассел) и в формальной прагматике (Р. Монтегю, К.И. Льюис, Я. Хинтиikka и др.).

Как видим, в современной философии языку придают самостоятельное значение.

2. Практическое и коммуникативное назначение языка. Язык необходим не только для познания, но и для деятельности. Мы привыкли считать, что практика человека придает подлинный смысл нашим словам, показывает, что в них истинного и ложного. Но ведь справедливо и обратное соотношение: практика «запускается» в ход принятым решением, а на нем всегда лежит печать языка.

В современной философии утверждается: нельзя жестко разводить язык и практику, они насквозь пронизывают друг друга. Для достижения успеха в любом виде деятельности необходимо проговорить (как минимум мысленно) весь ход действий, их последовательность. *Практическая функция языка состоит в обеспечении успеха практики.*

Именно язык позволяет нам, говоря словами Б. Пастернака, *Все время схватывая нить / Судеб, событий, / Жить, думать, чувствовать, любить, / Свершать открытья.*

Одно из важнейших назначений языка и одновременно – важнейшая его функция – обеспечить успешную *коммуникацию* людей. Коммуникация – общение, обмен мыслями, сведениями, и т.д. – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности. Следует отметить, что слово *обмен* в данном случае является метафорой. На самом деле, если мы «обмениваемся» идеями, «обмениваемся» словами, то «взаимно обогащаемся» идеями другого. Л. Фейербах сказал: «Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты» (Фейербах, 1955, с. 203). Следовательно, под коммуникацией понимается смысловой аспект социального речевого взаимодействия.

Различается коммуникация в широком смысле – одна из форм человеческой жизнедеятельности, различные формы речевой деятельности (например, игры различных типов) – и коммуникация в узком смысле, предполагающая обмен смысловой информацией.

Проблемами коммуникации занимались на постсоветском пространстве О.Л. Каменская («Структура и функция текста как средства коммуникации»), Г.А. Антипов («Текст как явление культуры»), Г.А. Золотова («Говорящее лицо и структура текста»), Н.С. Болотнова («Основы теории текста»), Т.Е. Янко («Коммуникативные стратегии русской речи»), М.Б. Бергельсон («Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики»), В.В. Богданов («Текст и текстовое общение»), Н.Д. Бурвикова («Прокрустово ложе текста») и другие лингвисты.

В современной теории коммуникации подход к ней разделяется на два типа: механистический и деятельностный. При механистическом подходе под коммуникацией понимается однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника до приема информации получателем сообщения. Для данного подхода характерно рассмотрение человека как механизма, действия которого могут быть описаны определенными конечными правилами, контекст внешней среды коммуникации здесь рассматривается как шум, помеха. Главная функция языка при этом – инструментальная: язык понимается как инструмент речевого взаимодействия людей.

С позиции деятельностного подхода коммуникация понимается как совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними. Для него характерны процессуальность, континуальность, контекстуальность. В целом, последний подход более близок к реальности жизни и более гуманистичен.

Как известно, процесс языковой коммуникации весьма сложен. Известное стихотворение *Ф.И. Тютчева* знаменито неслучайно – оно указывает на трудности языковой коммуникации:

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Языковое понимание требует согласованности языка говорящего и языка слушающего. В одних случаях люди понимают друг друга с полуслова, в других – понимание наступает после диалога, дискуссии, взаимной «притирки».

3. Язык как символ нашей жизни. Энциклопедии дают самые различные определения языка, их даже не сотни, а тысячи. Примем одно из них: *Язык – это знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания*; Язык может рассматриваться также как система, как семиотическая система и др. По Ю.С. Степанову, в современной науке существует 17 образов языка, каждый из которых формирует свое направление или даже свою лингвистику. 1. Язык как естественный продукт (натуралистическое направление). 2. Язык – психическая сущность (психологическое направление – младограмматизм, психолингвистика). 3. Язык – знаковая сущность (лингвосемиотика). 4. Язык как социальная сущность (социолингвистика). 5. Язык как системно-структурное образование (традиционная лингвистика XX века). 6. Язык как орудие воздействия (прагмалингвистика и суггестивная лингвистика). 7. Язык как компьютерный код (компьютерная лингвистика). 8. Язык как продукт и орудие культуры (лингвокультурология). 9. Язык как ментальная сущность (когнитивная лингвистика) и т.д.

Обобщаем их в несколько легко обозримых и широко известных образов. Первый образ-подход к языку – имманентно-семиологический, при котором язык рассматривается «в самом себе и для себя» как система отношений и различительных единиц. Эта установка находит свое воплощение в структурализме. Как пишет Ф. де Соссюр, «в языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все

то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» (Соссюр, 1977, с. 154).

Второй образ – антропологический, где язык рассматривается в контексте человека и его мира, находит свое выражение в философии языка основоположника данного направления В. фон Гумбольдта, неогумбольдтианстве, теории языка А. Вежбицкой и ряде современных концепций в России – Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, В.З. Демьянкова и др. Так, В. Гумбольдт утверждает: «В языке действуют творческие перво-силы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать... Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь» (Гумбольдт, 1984, с. 143).

Язык понимается В. Гумбольдтом в философском ракурсе глубинно-онтологически и интерпретируется как всеобъемлющая и всепроникающая духовная активность человека.

Третий образ – теoантропокосмический, при которой язык рассматривается в максимально широком контексте – Бог, человек, космос. Такая установка принимается в богословии языка и религиозной философии.

Классическим образцом антропокосмической интерпретации лингвистической реальности являются следующие дефиниции языка и слова С.Н. Булгакова: «Язык дан человеку потому, что в нем и через него говорит вся вселенная, он есть логос вселенной...»; «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию; и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично, или, скажем точнее, антропологично»; «... слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» (Булгаков, 1998, с. 36, 35,44).

Данный образ языка активно и успешно разрабатывается сейчас В.И. Постоваловой. При таком понимании человека, он есть «мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично, или, скажем точнее, антропологично» (Постовалова).

Структурные единицы языка: *слова, предложения*, составленные из них *тексты*. Каждая из них всегда на что-то указывает, т.е. является знаком. Сложный знак – это символ. Интерес к символу велик не только в лингвистике, но и философии, семиотике, психологии, литературоведении, мифопоэтике, фольклористике, культурологии и т.д., однако мы абсолютно солидарны с мыслью А.А. Потебни, который писал, что «только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа, а не с произволом пишущего» (Потебня, 2000, с. 9).

Результатом исследования символа стало несколько довольно независимых представлений о символе: символ – понятие, тождественное знаку (в искусственных формализованных языках); универсальная категория, отражающая специфику образного освоения жизни искусством (в эстетике и философии искусства); некоторый культурный объект, значение которого является конвенциональным аналогом значения иного объекта (в культурологии, социологии и ряде других гуманитарных наук). И. Кант, Ф.В. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, И.В. Гете высказывались о символе как о способе по-

знания истинного божественного смысла. Наиболее интересное понимание символа существует в философии языка (Лосев, 1990).

По выражению В.Н. Топорова, символ есть такой «знак высшей энергии, который не просто сигнализирует о явлении, но сам обнаруживает себя как это явление, как своего рода эпифания, прорыв феноменального слоя силою иной природы» (Топоров, 2004, с. 381). Такое различие позиций связано во многом с различной трактовкой категории символа. Если для Булгакова символ приближается к иероглифу, «начертание которого условно», то символ Флоренского «онтологичен вплоть до самых внешних своих аспектов» (Лосев, 1999, с. 391).

Мы принимаем широкое понимание символа: символ как знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания. Такое понимание существующее во многих гуманитарных науках - философии, лингвистике, семиотике и т.д.

Язык – это символ всей нашей жизни, нет ничего в нашей жизни, что могло бы упрятаться от языка. Поэтому язык и для современной философии, и для философии языка – одна из важнейших проблем.

4. Философия языка в трудах Ю.С. Степанова. В книге «Язык и Метод: К современной философии языка» (М., 1998) ученый разработал осмысление неореалистического течения в современной философии языка. Под философией языка он понимал как своего рода парадигму, или господствующий взгляд на язык, связанный с определенной философской позицией – с позицией реализма, номинализма или неореализма. Философия языка, по мнению Ю.С. Степанова, сформировалась на стыке философии, лингвистики и логики. «Сущность языка, в той мере, в какой она вообще может открыться, – открываться не «инструментальному, а философскому взгляду» (Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995, с. 28).

В понимании Ю.С. Степанова Новый реализм – это третья философия языка в мировой лингвофилософской мысли.

Первой философией языка является Реализм, восходящий к идеям Аристотеля. Центральную установку данного направления он видит в тезисе «От Системы к тому, что по ту сторону от нее».

Второй философией языка стал Номинализм, восходящий к идеям Оккама, называемого Ю.С. Степановым последним великим номиналистом Средневековья и первым номиналистом Нового времени. Центральной установкой второго направления стал тезис «От текста к тому, что извлекается из Текста».

Главный тезис третьего направления – «Между Системой и Текстом». В ментальности этого типа на первый план выступает категория Дискурса как языкового выражения мира.

Основные выводы

- Язык – символ всей нашей жизни.
- Философия языка содержит три наиважнейшие концепции: философию имени, философию предложения, философию ценностных установок.
- Согласно философии имени, слова являются выражениями сущности вещей или же простыми обозначениями.

- Согласно философии предложения, истинное повествовательное предложение обладает значением и смыслом и построено по правилам грамматики (синтаксиса).
- Согласно философии ценностных установок, предложение обладает ценностным (практическим) смыслом.
- Язык обладает практическим и коммуникативным назначением.
- В работе «Язык и Метод: К современной философии языка» Ю.С. Степанов разработал типологию современной лингвофилософской мысли.

Лекция 7. ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ

План.

1. Философия имени в античности и средневековье.
2. Философия имени в трудах П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова. Школа всеединства.
3. Концепция имени у А.Ф. Лосева.

1. Философы *античности и средневековья* уделяли в языке основное внимание *имени* как слову, обозначающему отдельный предмет. *Сократ* и *Платон* считали, что имя установлено не произвольно, «не так, как нам заблагорассудится», а по природе. Но что значит «по природе»? Для *Платона* имя отражает *сущность вещи*. Первоначально даже по своему звучанию слова были похожи на предметы, т.е. на свои значения. Но затем эта схожесть стерлась, забылась, уже невозможно стало усмотреть внутреннюю связь между звуком и значением. Другая точка зрения: связь слова с предметом закрепляется общественной традицией, договором. *Демокрит*, например, считал язык формой общественного договора. Итак, в античности интерпретация языка отражает основные философские течения: первичность идеи (сущности) или формы.

В *средневековый период* слово связывают с Богом. Евангелие от *Иоанна* начинается словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога». Язык оказывается символом божественного мироздания.

Когда разгорелся спор между реалистами, номиналистами и концептуалистами, то слова стали пониматься как выражения идей (реализм), как обозначение предметов как таковых (номинализм), как обозначение составленных в уме понятий (концептуализм).

2. В этом отношении нам представляются заслуживающими особого внимания целый ряд завершенных и непротиворечивых концепций имени, представленных в философских трудах П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова. Так, П. Флоренский пишет: «Прежде всего это Имена, утверждает эмпирист, – не суть реальности.

– Пусть; но человечество считает их таковыми. – Имена, – продолжает эмпирист, – не имеют энергий.

– Пусть; но человечество признает их имеющими таковые. – Имена... не могут быть творческими формулами личностей... – Как раз наоборот... Это – категории бытия. Имена оказываются... творческим «да будет».

И П.А. Флоренский, и С.Н. Булгаков были представителями школы всеединства, в русле которой протекала и деятельность А.Ф. Лосева. В основе понимания языка этой школы – представление о реалистическом статусе языка, при котором язык есть голос самих вещей, самого бытия.

В рамках философии имени очень важно сопоставить имя и его значение, предмет. Непосредственным импульсом для развития онтологической философии языка школы всеединства стал спор о природе Имени Божия и его почитании, возникший в начале XX в. в русском монашестве на Афоне. Предметом спора стало обсуждение статуса Имени Божия. Сторонники бытийственной (реалистической) интерпретации Имени Божия и молитвы – «имяславцы» – веровали, что в Имени Божиим, призываемом в молитве, присутствует Сам Бог Своими энергиями, а потому оно имеет объективно-мистический смысл, а молитва – онтологична как один из высших моментов общения с Богом. Сторонники же номиналистически-субъективного толкования имени и молитвы – «имяборцы» – полагали, что Имя Божие есть лишь инструментальное средство для выражения человеческих мыслей и устремленности к Богу, а Имя Божие, как всякое другое имя и слово, есть только простой знак, а молитва в своей основе антропологична, т.е. не выходит за пределы человеческого сознания.

В видении философии имени школы всеединства слово и имя предстают как «новая реальность» – реальность синергийно-персоналистического типа. Такова позиция П.А. Флоренского, игумена Андроника (Трубачев), С.Н. Булгакова, который писал, что «всякое слово не есть только слово данного субъекта о чем-то, но и слово самого чего-то» (Булгаков, 1998, с. 36).

3. Особого внимания заслуживает концепция *А.Ф. Лосева*.

А.Ф. Лосев широко известен как историк античной философии, филолог и ученый-энциклопедист, глубокий православный мыслитель.

А.Ф. Лосев был ярким пропагандистом философии имени в XX веке: «Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности». Это он написал в своей книге «Философия имени». Жизненная судьба этой книги сложилась драматично. Изданная в 1927 г. ограниченным тиражом в период, «когда в нашей стране ставилась под запрет свободная философская мысль, «Философия имени» оказалась изолированной от того читателя, которому были созвучны или, по крайней мере, понятны основы мирозерцания и духовные проблемы ее автора. Такой читатель оказался насильственно вытесненным из нашей культуры (эмиграция, ссылка, аресты)», – пишет В.И. Постовалова.

Поэтому наивысшую оценку эта книга получила у выдающихся русских философов и богословов эмиграции – С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Д.И. Чижевского и др. Эту работу они считали большим достижением русской философской мысли.

В «Философии имени» А.Ф. Лосева представлено теoантропокoсмичеcкое видение языка, где развeртывается представление, в соответствии с которым по образу Имени Божия рассматривается не только человеческое имя и слово, но и весь мир (вселенная), понимаемый как имя (слово). По Лосеву, Слово – место встречи Бога и мира. Язык рассматривается им как одна из форм энергичной эманации Божественной сущности. Каждое слово понимается как причастное Божественному Логосу, связанное с именем Бога.

По утверждению Ю.С. Степанова, философия имени Лосева охватывает все «главные семантические назначения имени – от именованной вещи, через сигнификацию «эйдоса», идеи и «логоса» (понятия), вплоть до слова как формы символа и мифа» (Степанов, 1998, с. 225). Это характерно и для философии имени в целом.

По концепции, развиваемой А.Ф. Лосевым в его «Философии имени», всякая энергия сущности является языком, на котором сущность «говорит» с окружающей ее средой, и «всякий символ есть языковое явление» (Лосев, 2009, с. 164). С символом мы входим в сферу «подлинно языковых явлений, понимаемых уже не субъективно, не психологически, не исторически и вообще не фактически, но именно чисто предметно-выразительно», полагает А.Ф. Лосев (там же).

А.Ф. Лосев определяет жанр «Философии имени» как философский трактат, называя свою книгу «трактатом» и «чисто-философским трудом» (Лосев, 1995, с.190; 2009, с. 291). По мысли Лосева, философия имени есть «самая центральная и основная часть философии вообще» (Лосев, 2009, с. 233). Позже в одном из своих интервью А.Ф. Лосев дал такое прозрачное по своей ясности истолкование философии: «Философия есть учение об отношении “я” и “не-я”, или, как то же, отношение между идеальным и реальным, между мышлением и бытием» (Лосев, 1983, с. 142). Он утверждает, что подлинная «мысль о действительности есть не что иное, как установление смысла действительности» (там же).

«Философия имени» создавалась в пик увлечения А.Ф. Лосевым чистой диалектикой. В основе его диалектики лежат две исходные интуиции – апофатическая интуиция невыразимости в категориях человеческого мышления всей полноты реальности и катафатическая интуиция всеединства – всеобщей глубинной связанности всего со всем. Философия для Лосева есть «цельное знание». Он стремился разработать такую универсальную философскую систему на основе диалектико-мифологического осмысления православного мирозерцания.

Так, в работе «Вещь и имя» А.Ф. Лосев обосновывает мысль о том, что «наши повседневные судьбы именованности суть только подобие» последней тайны именованности (Лосев, 1993, с. 880). В учении об абсолютной мифологии он, по его собственным словам, дерзает подойти к разгадке «великой диалектической тайны» христианского учения о троичности – к диалектическому постижению «тайных внутритроических процессов» (Лосев, 1994, с. 267, 268). А в «Философии имени», как он сам утверждает, приоткрывает «тайну понимания» и «тайну» слова (Лосев, 2009, с. 113–114).

По его словам, анализ имени и слова, осуществляемый в данном трактате, должен прояснить «пути и методы собственного научно-эмпирического анализа, будь то языкознание, психология или какая-нибудь иная эмпирико-индуктивная дисциплина» (Лосев, 2009, с. 99). Рассматривая «Философию имени» сквозь призму данной задачи, Н.О. Лосский отмечал, что автор в данной книге «разрешает почти все частные проблемы языка», так что если бы нашлись лингвисты, «способные понять его теорию», то они «столкнулись бы с некоторыми совершенно новыми проблемами и были бы в состоянии объяснить новым и плодотворным способом многие черты в развитии языка» (Лосский, 1991, с. 344).

Итак, в центре внимания «Философии имени» А.Ф. Лосева находятся два тесно связанных вопроса. Первый и центральный – *имя и вещь* (предметная сущность, сущность, предмет, бытие). Вторым вопросом – *имя и знание*. Объединение их в рамках одного пространства рассуждения для философа, разделяющего принцип тождества бытия и мышления, не вызывает непонимания.

Первая тема связана с именем и касается того, что есть имя, как оно «действует и проявляется и в мире и вне мира» и каковы «частичные его проявления и действия», которые в состоянии изучать эмпирическая наука (Лосев, 2009, с. 233). Вторая тема связана с миром в его ономастологической проекции.

В работе «Диалектика художественной формы» А.Ф. Лосев, объясняя замысел своей «Философии имени», сводит ее содержание к развертыванию и обоснованию следующих трех тезисов: 1) Имя не есть звук, но сама вещь, данная в разуме; 2) Имя есть энергия сущности вещи и, следовательно, несет на себе все функции вещи (интеллигентные, мифологические и личностные) и 3) Только при таком понимании имени и возможно обоснование общения субъекта с объектом (Лосев, 1995, с. 191).

«Если сущность – имя и слово, то значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова», – утверждает в своем трактате Лосев (Лосев, 2009, с. 220).

По мысли В.И. Постоваловой, А.Ф. Лосев осуществляет в своей книге наиболее полное философское доказательство бытийности слова. Философия имени Лосева – это учение о космическом и божественном слове.

Вывод. Философия имени начиналась в античности, но представляет интерес и в наши дни. Согласно современному пониманию философии имени, мир рассматривается как имя; имя – символ мира.

Лекция 8. ФИЛОСОФИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

План

1. Рациональные искусственные языки.
2. Философия предложения.
3. Предложение в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна.
4. Философия ценностных установок.

1. В Новое время в философии стали уделять большое внимание соотношению слов и понятий; слова считались обозначениями мыслей (а также чувств). Множились выступления за образование рациональных

искусственных языков (Декарт, Лейбниц). Делались попытки изобрести единый язык логики для науки, а также единый язык общения для людей всех национальностей. Понадобились многие годы, прежде чем эти усилия дали ощутимый результат. В 1887 г. варшавский врач Людвиг Заменгоф создал язык эсперанто (в переводе с латинского означает «надеющийся»), на котором ныне общаются несколько миллионов человек. На сегодняшний день существует около 1000 проектов искусственных языков. Вот наиболее известные из них: воляпюк (1879 г. – Шлейер), эсперанто (1887 г. – Заменгоф), мундо-лингва (1889 г. – Лотт), латинский без флексии (1903 г. – Пеано), идо (1907 г. – Кутура), симпло (1911 г. – Ферранти), окциденталь (1922 г. – Вайль), новиаль (1927 г. – Есперсен), бейсик инглиш (1931 г. – Огден), мондиаль (1943 г. – Хеймер), линкос (начало 60-х годов – голландский математик Фрейденталь), англо-лат (1967 г. – Монтеро), евроленго (1982 г. – Джонс), единый всеобщий (1990 г. – М. Плейер).

2. Развитые в Новое время воззрения, интерес к научному пониманию истины привели к выдвиганию в центр анализа предложения, а не слова. Огромное значение в этой связи имели разработки аналитиков (Рассела, Фреге, Витгенштейна, Карнапа), которые пробудили интерес к научному пониманию истины, что привело к выдвиганию в центр анализа предложения; именно синтаксис находится в центре философских воззрений в XX–XXI веках.

Предложение – это то, считают философы, что обладает свойствами и участвует в отношениях. Свойства и отношения как *признаки* предложения. Законченная мысль выражается не словом, а повествовательным предложением, высказыванием. К повествовательным предложениям в отличие от слова применимо представление об истинности/ложности.

Есть два аспекта рассмотрения предложения: 1) что соответствует предложению в реальной действительности; 2) каким образом связаны слова в предложении. В первом случае философия интересуется *значением* и *смыслом* предложения, а во втором — его грамматикой и синтаксисом.

К первому аспекту можно отнести понимание значения Л.С. Выготским: «Единство мышления и речи, – констатировал Л.С. Выготский, – раскрывается в значении слова». «Слово, – писал ученый, – лишенное значения, не есть слово, оно есть звук пустой... значение есть необходимый, конституирующий признак самого слова... но значение слова есть обобщение, или понятие. Обобщение и значение слова суть синонимы. Всякое же обобщение, всякое образование понятия есть самый специфический, самый подлинный, самый несомненный акт мысли. Следовательно, мы вправе рассматривать значение как феномен мышления» (Выготский, с. 297).

В рамках второго направления находятся теоретические разработки аналитиков (*Рассела, Фреге, Витгенштейна, Карнапа*). Основу исследования у аналитиков составила мысль Рассела «логика есть сущность философии», и, соответственно, вся философия понималась как учение о логической форме познавательных высказываний (предложений). Их работы были посвящены поиску ясной логической модели языка и общей формы предложения.

3. Остановимся на рассмотрении предложения Л. Витгенштейном, представленном в его «Логико-философском трактате» впервые в систематическом виде.

Основные мысли о предложении в Трактате: 1. Предложение – картина действительности... 2. Предложение показывает свой смысл, оно показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так. 3. Понимать предложение означает знать, что происходит, если оно истинно... 4. Предложение представляет существование и несуществование со-бытий. 5. Целокупность истинных предложений – наука в ее полноте (или целокупность наук).

Чтобы лучше понять философию предложения, рассмотрим для примера четыре следующих предложения.

1. *Стадион «Лужники» находится в Нью-Йорке.*
2. *«Лужники» в Нью-Йорке находится стадион.*
3. *Стадион «Лужники» находится в столице России.*
4. *Стадион «Лужники» находится в самом большом городе России.*

Первое предложение ложно: стадион «Лужники» находится, как известно, не в Нью-Йорке, а в Москве. Так как первое предложение ложно, то оно не имеет значения. Второе предложение построено не по правилам грамматики, синтаксиса, следовательно, нет оснований ставить вопрос о его значении. Третье и четвертое предложения обладают одним и тем же значением, но разными смыслами. Это становится очевидным, если мы перепишем третье и четвертое предложения следующим образом.

3'. *Стадион «Лужники» находится в Москве, Москва – столица России.* 4'. *Стадион «Лужники» находится в Москве, Москва – самый большой город России.*

Левые части предложений 3' и 4' одинаковы, они обладают одним и тем же значением. Правые части предложений различны, они выражают два смысла: в одном случае речь идет о том, что Москва – столица России, в другом – утверждается, что Москва является самым большим городом России (истинность этого утверждения устанавливается сравнением Москвы с другими городами России, прежде всего с Санкт-Петербургом). Наука, изучающая значения и смыслы высказываний, называется семантикой. Главный вопрос семантики: что обозначает данное высказывание? Главный вопрос синтактики (она изучает синтаксис): построено ли высказывание правильно, по законам грамматики, непротиворечиво? В рамках философии предложения совсем не обязательно ограничивать свой анализ отдельными предложениями. Можно рассматривать и тексты, но как составленные из предложений, которые должны быть связаны друг с другом непротиворечивым образом.

Развитие философии предложения потребовало и требует в наши дни больших усилий от философов и логиков, равно как от представителей частных наук. Внимательнейшим образом изучается теория значения и смысла, законы синтаксиса применительно как к естественным, так и к техническим языкам.

Стратегической целью философии предложения является достижение максимальной ясности в понимании языка. Язык должен быть ясным, как

условие математической задачи; нет такого математика, который бы не потребовал уточнения условия задачи при обнаружении в нем неточностей, двусмысленностей. Любимая поговорка философа-аналитика (а именно в аналитической философии стремятся к ясности высказываний) звучит так: «Давайте уточним значение и смысл сказанного (написанного)».

Если бы, например, россиянин пригласил аналитически настроенного англичанина на концерт звезд российской эстрады, то почти наверняка последовал бы вопрос: «Скажите, пожалуйста, кого в России называют звездой эстрады?» Может быть, звездой эстрады называют в России очень хорошего артиста, а возможно, всего лишь завсегдатая московских тусовок. Англичанин желает ясности. «Кот в мешке» его не устраивает. Кстати, попробуйте разьяснить аналитику значение и смысл выражения «кот в мешке».

Итак, философия предложения – это важнейший этап в развитии философии языка, для которого характерен обостренный интерес к семантике (теории значения и смысла) и синтаксису (сочетанию слов в предложении). Философия предложения дополняет философию имени.

Язык создается и используется людьми не произвольно, а в соответствии с их целенаправленной деятельностью, практикой. При этом человека интересует не просто истина (как в философии предложения), представляющая ему объект таким, каким он является безотносительно к целям человека, а значение объекта для человека. Человек вольно или невольно реализует ценностное отношение к миру. Это обстоятельство довлеет над ним постоянно и в итоге находит свое выражение в самом характере интерпретации. В этой связи за последние 3–4 десятка лет в философии языка резко возросло внимание к ценностным установкам личности, которые содержатся в высказываниях типа:

знает верит
А помнит, что р
надеется хочет...

Итак, очень часто предложение является выражением ценностной установки личности, оно обладает особым *прагматическим* смыслом. *Прагматика – это такая философия языка, которая изучает содержащиеся в высказываниях ценностные установки личности.* Философию языка как ценностных установок можно назвать одним словом – прагматика.

С ценностными установками, своими и других людей, человек имеет дело на каждом шагу, всегда, когда в поле его действия попадают ценности. В этой связи в философии языка предстоит сделать очень многое. Философы выясняют, как можно сказать о ценностях, какая логика при этом используется, связаны ли между собой значение предложения и его прагматический, ценностный смысл, как на основе анализа предложений с прагматическим смыслом лучше понять сами эти смыслы и т.д.

Вывод. Таким образом, в философии языка наиболее значимыми оказались три концепции: философия имени, философия предложения (или высказывания), философия языка как ценностных установок личности.

ЛИТЕРАТУРА

Цитированная:

1. Аверинцев С.С. Филология // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
2. Античные теории языка и стиля. – М., 1996.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Бибихин В.В. Язык философии. – М., 1993.
5. Булгаков С.Н. Философия имени. – М., 1998.
6. Бродский И.А. Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе. – М., 1992.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 776 с.
8. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. – М., 1982. – Т. 2.
10. Гадамер Г.-Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988.
11. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
12. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
13. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
14. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960.
15. Лихачев Д.С. О филологии. М.: Высшая школа, 1989.
16. Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990.
17. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993.
18. Лосев А.Ф. Имя: сочинения и переводы. – СПб., 1997.
19. Лосев А.Ф. Хаос и структура. – М., 1997.
20. Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. – М., 1999.
21. Никифоров А.Л. Философия науки. История и метод. – М., 1998.
22. Потемня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М., 2000.
23. Постовалова В.И. Язык и реальность: онтологическая концепция языка в русской религиозно-философской мысли школы Всеединства, ее истоки и пути осмысления в современном познании // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 113–131.
24. Постовалова В.И. Философия языка в России: Имяславие // Современная философия языка в России: предварительные публикации 1988 г. (сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова). – М., 1999.
25. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – М., 1997. – Т. 1.
26. Синельникова Л.Н. Избранные труды: в 2 т. – Луганск, 2009. – Т. 1.
27. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
28. Степанов Ю.С., Демьянков В.З. Философия языка // Современная западная философия. Словарь. – М., 1991. – С. 345.
29. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985.

30. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
31. Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения. – М., 1955. – Т. 1.
32. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Избранные произведения: в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.
33. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. – Иваново, 1999.

Рекомендуемая:

1. Безлепкин Н.И. Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. – СПб., 2002.
2. Береснев Г.И. Слово, язык и за их пределами. – Калининград, 2008. – 357 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. – Ч.1.
4. Гадамер Г.-Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988.
5. Гурко Е.Н. Божественная ономотология: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции. – Минск, 2006.
6. Имяславие: антология. – М., 2002.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
8. Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990.
9. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.
10. Постовалова В.И. Новый реализм в лингвофилософской мысли XX–XXI вв. (опыт эпистемологического анализа) // Вопросы филологии. – 2010. – № 3 (36).
11. Постовалова В.И. «Философия имени» А.Ф. Лосева и подступы к ее истолкованию // Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 2009.
12. Петров В.В. Философия, семантика, прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1985.
13. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985.
14. Степанов Ю.С., Демьянков В.З. Философия языка // Современная западная философия: словарь. – М., 1991.
15. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
16. Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. – М., 1998.
17. Философия, логика, язык. – М., 1987.
18. Флоренский П. Имена. – М., 2000.

Учебное издание

МАСЛОВА Валентина Авраамовна

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Конспект лекций

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Корректор	<i>Ф.И. Сивко</i>
Компьютерный дизайн	<i>Е.В. Крайло</i>

Подписано в печать . Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,96. Уч.-изд. л. 3,94. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.